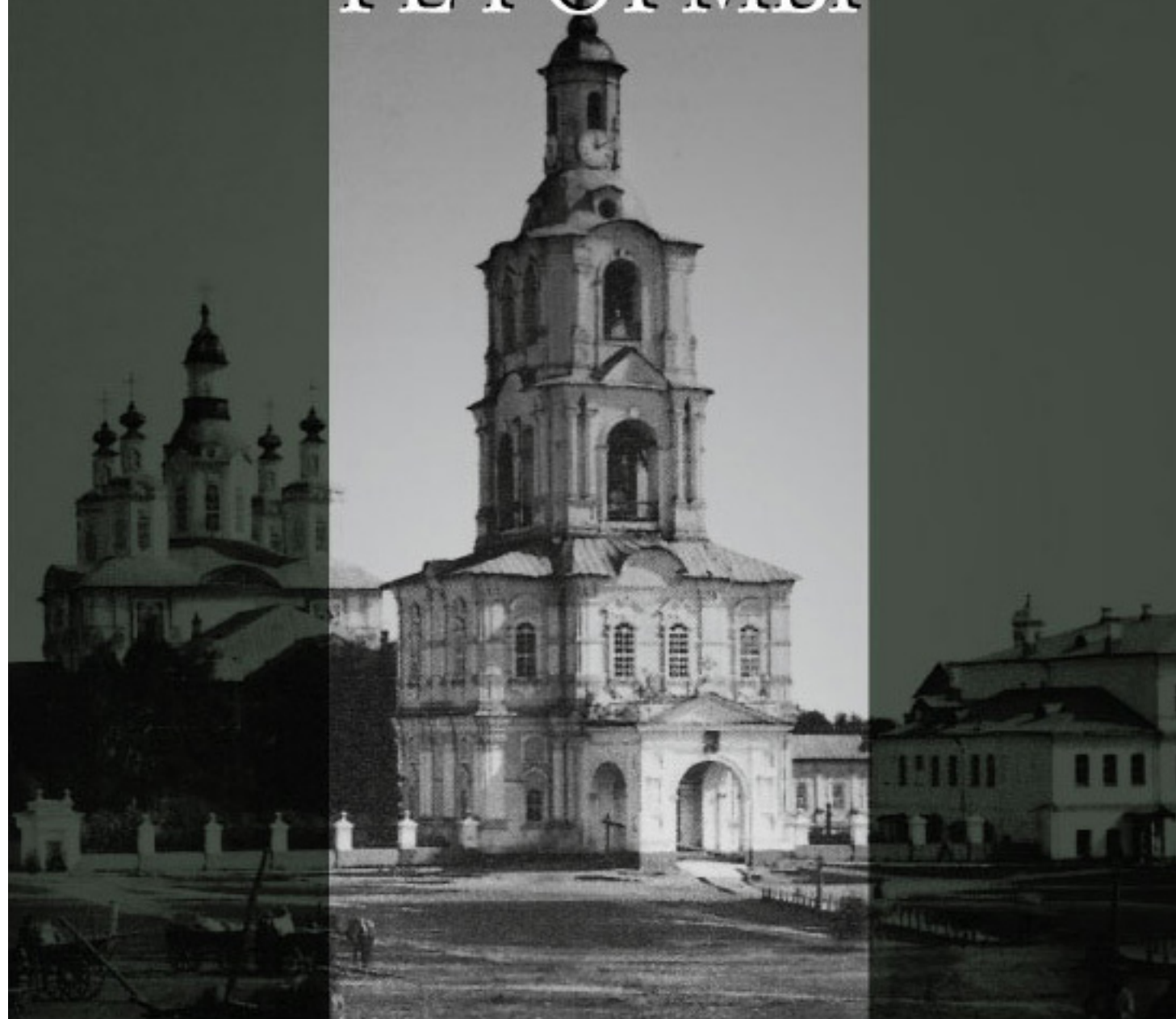

П о м е с т н ы й С о б о р 1 9 1 7 – 1 9 1 8

Игумен Савва (Тутунов)

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

Церковные реформы

Савва (Тутунов)

Епархиальные реформы

НПКЦ «Духовная библиотека»

2011

(Тутунов) С.

Епархиальные реформы / С. (Тутунов) — НПКЦ «Духовная библиотека», 2011 — (Церковные реформы)

Всероссийский Церковный Собор, проходивший в Москве в 1917–1918 гг., и донныне одними исследователями и публицистами превозносится как образец каноничности и пример обращения к древним и подлинным устоям Церкви, другими – клеймится как модернистский и ниспровергающий церковный строй. Немало споров вызывают и предпринятые Собором преобразования в области церковного управления. Игумен Савва (Тутунов) исследует одну из нераскрытых сторон реформы Собора. Читатель увидит, как предложения исследователей и публицистов, епархиальных архиереев и членов Предсоборного присутствия, высказанные в 1905–1906 гг., пройдя через Предсоборное совещание 1910-х годов, через церковные съезды первой половины 1917 года, через Предсоборный совет лета 1917 года, – выльются в решения Всероссийского собора относительно порядка замещения епископских кафедр, организации работы органов епархиального управления, ответственности викарных епископов и благочинных, а также участия клириков и мирян в епархиальном управлении. Был ли Всероссийский Церковный Собор революционным? Каково было намерение законодателя, то есть Собора, в его решениях о епархиальном управлении? Можно ли и нужно ли использовать эти решения сегодня? Эти вопросы ставит перед собой автор книги «Епархиальные реформы».

© (Тутунов) С., 2011

© НПКЦ «Духовная библиотека», 2011

Содержание

Введение	6
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Игумен Савва (Тутунов)

Епархиальные реформы

© игумен Савва (Тутунов), 2011

* * *

Введение

За последние 10–15 лет было предпринято всестороннее изучение опыта реформы в Церкви, осуществленной Священным Собором Православной Российской Церкви¹ 1917–1918 годов и подготовленной в предсоборный период. Однако вопрос о реформе епархиального управления остается почти не исследованным². Впрочем, справедливо задаться вопросом: не является ли исследование этого аспекта реформы лишь «школьным», «кабинетным» упражнением, не имеющим реального значения для жизни Русской Церкви, которая, как будто, уже определила свое отношение к епархиальному строю в принятом на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года Уставе Русской Православной Церкви? В ответе на этот вопрос мы солидаризируемся со священником Ееоргием Орехановым: Русской Церкви еще предстоит определить пути организации своей внутренней жизни в новых исторических условиях. Отец Георгий указывает на ряд вопросов, которые ныне стоят перед Церковью: «Каким будет соборный церковный строй? Какое место в церковной жизни займут миряне?»³ Эти и другие вопросы были поставлены еще в начале XX века и нашли свое отображение при обсуждении реформы церковного управления. Вслед за отцом Георгием повторим: чтобы сегодня ответ на них «был адекватен жизни, она [Церковь – и. С.] обязательно воспользуется опытом, накопленным в течение сложных жизненных перипетий XX века»⁴. Германский исследователь Собора профессор Гюнтер Шульц, выступая в 1990 году на конференции в Лютеранской академии Баварии, высказал мнение, что в свое второе тысячелетие Русская Православная Церковь вступила Собором 1917–1918 годов. Некоторыми своими решениями, говорил Шульц, Собор опередил процессы развития, развернувшиеся позднее во всем христианском мире, но эти решения не были применены по причине гонений, при которых осуществление постановлений Собора стало практически невозможным. Итак, заключил профессор, после завершения гонений Русской Православной Церкви следует лишь вернуться к решениям Собора 1917–1918 годов⁵. Однако немецкий исследователь обходит проблему рецепции определений Собора. Следует признать – этой рецепции со стороны Русской Церкви не было. Конечно, ее и не могло быть в последующий за Собором период бытия Русской Церкви: богоборческая власть не давала ни собрать новый Собор, ни даже избрать преемника почившего Патриарха. Проводить в жизнь объемные церковно-управленческие реформы было просто нереально. Едва ли справедливо мнение М. В. Шкаровского, согласно которому отход Церкви от решений Собора связан с тем, что октябрьский переворот, прекратив процесс возрождения

¹ Именно так он именуется в официальных документах. Есть и краткая форма: Всероссийский церковный собор. Именование Собора в пространной и краткой форме было определено решением Соборного совета от 16 сентября 1917 г. (*Соборный совет*. 40 об.). Как и в других книгах данной серии, в постраничных сносках *курсивом* приведены сокращенные ссылки на источники и исследовательскую литературу, причем *полужирным курсивом* выделены ссылки на архивные материалы; далее при необходимости указаны номера страниц или листов. Полные библиографические данные опубликованных источников и архивные адреса использованных дел приведены в соответствующих списках в конце книги.

² Специальная историография вопроса ограничивается: дипломной работой, написанной в Санкт-Петербургской духовной академии в 1995 году и содержащей не критическое, почти построчное изложение хода дискуссий на Соборе согласно тексту деяний Собора (заслуга автора состояла в том, что на тот момент соответствующие тома деяний еще не были переизданы Новоспасским монастырем и являлись библиографической редкостью) – *Левцкий*; докладом прот. Владислава Цыпина «Вопрос о епархиальном управлении на Поместном Соборе 1917–1918 гг.», представленным им на конференции в общине Бозе в сентябре 2003 г. и содержащим весьма краткий обзор определения *Об епархиальном управлении* – *Цыпин* (3); наконец, небольшой главой в монографии католического священника Иакинфа Дестивеля, также скорее обзорного характера; кроме того, в этой работе содержатся интересные и небезразличные для нашей темы рассуждения относительно понимания «соборности» на Соборе – *Дестивель*.

³ Ореханов. 202.

⁴ Ореханов. 202.

⁵ Мнение Г. Шульца приведено по: *Поспеловский*. 49.

Церкви, постепенно ликвидировав демократические преобразования ее жизни и дискредитировав саму идею реформаторства путем внедрения в 1920-е годы обновленчества, по сути, стал своеобразной «контрреволюцией»⁶.

Однако тот же автор отмечает, что в Устав об управлении Русской Православной Церкви 1988 года были внесены из соборного определения *Об епархиальном управлении* положения об епархиальном собрании⁷. Протоиерей Владислав Цыпин также пишет:

При восстановлении жизни и церковного управления, в том числе и на епархиальном уровне, на разных этапах <...> были использованы как решения Поместного Собора 1917–1918 годов, так и материалы соборной дискуссии⁸.

Тем не менее, очевидно, что некоторые основные элементы епархиальной реформы не отражены в ныне действующем Уставе Русской Православной Церкви (как не были отражены и в Уставе об управлении Русской Православной Церкви 1988 года) – к примеру, практика избрания архиереев, как она была определена Собором. Ряд положений Собора, касающихся епархиального управления, не вошел и в нормативные документы значительной части русской церковной эмиграции – Русской Зарубежной Церкви, к которой едва ли можно отнести замечание Шкаровского⁹. Равнозначно ли

такое положение вещей фактическому отвержению (то есть отказу от рецепции) не проведенных в жизнь элементов соборного определения *Об епархиальном управлении*! К этому вопросу мы еще обратимся в заключительной части нашей работы. Так или иначе, незнание контекста и *mens legislatoris* – намерения законодателя, то есть «отцов» Собора 1917–1918 годов, не позволяет всерьез приступить к постановке вопроса о рецепции или отвержении их решений.

Итак, основной целью нашего исследования является уяснение замысла участников Собора 1917–1918 годов в отношении норм устройства епархиального управления. Если эта цель будет достигнута, то результаты нашей работы в дальнейшем могут позволить церковному законодателю творчески подойти к документу, принятому почти век назад, в радикально иных исторических условиях.

⁶ Шкаровский. 165.

⁷ Шкаровский. 185.

⁸ Цыпин (3). 167.

⁹ Это верно как в отношении действующего поныне «Положения о Русской Православной Церкви Заграницей» 1956 г., так и в отношении «Временного положения» 1936 г. Примером отсутствия рецепции со стороны РПЦЗ является опять же положение об избрании епископа, постановленное Собором: «В круг ведения Собора епископов входит <...> избрание, назначение, перемещение, увольнение на покой и награждение епископов» (*Положение РПЦЗ*, Пр. 11/ж). Ср. с соборным определением *Об епархиальном управлении*, ст. 16: «Избрание епархиального Архиерея производится следующим образом. По освобождении епархиальной кафедры, прежде замещения ее, Архиереи округа или, при отсутствии округов, Священный Синод Российской Церкви составляют список кандидатов, в который, после канонического одобрения, включаются и кандидаты, указанные епархией. По обнародовании в епархии списка кандидатов, Архиереи округа или Архиереи, назначенные к участию в избрании епархиального Архиерея Священным Синодом, клир и миряне епархии совместно производят по особым Правилам выборы кандидата, голосуя одновременно всех, указанных в списке, при чем получивший не менее 2/3 голосов считается избранным и представляется на утверждение высшей церковной власти. Если никто из кандидатов при таковом голосовании не получит указанного большинства голосов, то производится новое голосование о каждом из кандидатов, указанных первым голосованием, в отдельности, и высшей церковной власти представляются кандидаты, получившие не менее половины избирательных голосов» (*СОП. Вып. I*. 18–19).

* * *

Для решения нашей задачи необходимо рассмотреть генезис соборных определений, ознакомиться с материалами предсоборных дискуссий и предсоборной подготовки. Петербургский историк С. Л. Фирсов отмечает вслед за другим современным исследователем – СВ. Римским, что зарождение идеологии «устранения диктата государства в делах Церкви», идеологии, «которая впоследствии привела к Собору 1917 года», происходит в период Великих реформ времен императора Александра II¹⁰. Действительно, как пишет СВ. Римский,

общий подъем реформаторских настроений, начавшийся с приходом к власти Александра II, пробудил иллюзию возможного восстановления патриаршества, возвращения к выборности духовенства в приходах, устранения таких диссонирующих с каноническими нормами порядков, как переводы из епархий в епархию архиереев или из прихода в приход клириков¹¹.

Реформы в Церкви «сопровождались передачей функций от высшей администрации ее низшим ступеням, развитием, под контролем епархиальной администрации, выборного начала в духовенстве», – добавляет он¹². Однако говорить здесь именно о «подготовке Собора», тем более о «предсоборных дискуссиях», рано. По замечанию СЛ. Фирсова,

в 1880–1890 годы, равно как и в первые годы наступившего XX века, вопрос о корректировке церковно-государственных отношений в практической плоскости не рассматривался и рассматриваться не мог¹³.

Между тем вопрос о церковно-государственных отношениях был едва ли не ключевым для церковной реформы. Таким образом, хотя вопрос о реформе в Церкви обсуждался и до 1905 года, однако, справедливо замечает Фирсов, «без Высочайшей инициативы любое реформирование было в России невозможно»¹⁴.

Первыми шагами, приведшими к этой высочайшей, то есть императорской инициативе, стали записка митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви», поданная в Комитет министров в феврале 1905 года, и записка председателя Комитета министров СЮ. Витте «О современном положении Православной Церкви». Инициатива Комитета министров привела к реакции обер-прокурора К. П. Победоносцева, по настоянию которого вопрос о реформах в Русской Церкви был передан из ведения Комитета министров в ведение Святейшего Синода. «Именно с этого момента, – считает С. Л. Фирсов, – собственно и началась практическая подготовка Собора»¹⁵. Таким образом, начало предсоборной подготовки следует возводить именно к записке митрополита Антония, поскольку невозможно рассматривать дальнейшее развитие действий Синода без учета этого документа. Дальнейшая официальная предсоборная подготовка будет развиваться в рамках отзывов епархиальных преосвященных 1905–1906 годов, работ Предсоборного присутствия 1906 года и Предсоборного совещания (работавшего с 1912 г. почти до самого Собора).

¹⁰ Римский. 566; Фирсов (2). 202.

¹¹ Римский. 561.

¹² Римский. 564.

¹³ Фирсов (2). 203.

¹⁴ Фирсов (1). 36.

¹⁵ Фирсов (2). 212.

Почти одновременно с упомянутыми *записками*, 17 марта 1905 года в еженедельнике столичной духовной академии «Церковный вестник» публикуется так называемая «записка 32-х священников» (или «группы 32-х»), которая инициировала широкие публицистические дискуссии, с большей или меньшей интенсивностью продолжавшиеся до 1917 года.

Перед тем как перейти к рассмотрению дискуссий о епархиальном управлении в собственно предсоборный период, необходимо дать краткий обзор состояния епархиального управления накануне этого времени. Кроме того, дискуссии, имевшие место в 1905 и последующих годах, были подготовлены предварительными публицистическими выступлениями, а также церковно-научными трудами профессоров духовных академий, на которые постоянно будут ссылаться участники дискуссий¹⁶; некоторые из этих трудов мы также рассмотрим. Наконец, из общего исследования пред соборного периода мы выделим его, так сказать, предначинательный период: пресловутые *записки*.

Вслед за вводными главами, мы обратимся к обзору предсоборных трудов 1905–1916 годов. В отдельных главах мы исследуем мнения, высказанные в ходе пред соборного периода по вопросам:

1) об общих основаниях и проблемах епархиального управления;
2) о формах избрания епископов; 3) о постановке епархиальных правлений (консисторий, советов); 4) о постановке епархиальных съездов (собраний, соборов); 5) о постановке иерархической структуры епархиального управления: викариев, полусамостоятельных епископов, уездных правлений и благочинии. В отдельной главе мы рассмотрим законопроект, подготовленный Предсоборным совещанием. Такое выделение этого проекта из общей структуры исследования оправдывается, с одной стороны, тем, что проект Совещания представляет собой целостный и едва ли делимый на части документ, а с другой, – тем, что, в отличие от архиерейских отзывов и работ Присутствия, труды Совещания не получили широкой огласки в обществе (ни итоговые документы, ни тем более протоколы изданы не были).

Завершив исследование предсоборного периода, мы обратимся к периоду непосредственной подготовки Всероссийского церковного собора и к самому Собору. Мы рассмотрим изменения, происшедшие в епархиальном управлении в контексте Февральской революции под непосредственным влиянием Временного правительства, под давлением «снизу», по решениям Святейшего Синода. Затем, после небольшой вводной главы, мы обратимся к работе Предсоборного совета, соборного отдела *Об епархиальном управлении* и самого Собора по каждой из тем, определенных нами в первой части исследования.

* * *

Опубликованные источники официальной предсоборной подготовки представлены, прежде всего, сборником «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», изданным в 1906 году в трех томах с томом прибавлений и переизданным двухтомником в 2004 году, а также четырехтомным изданием журналов и протоколов Предсоборного присутствия 1906 года, вышедшим в 1906–1907 годах. Кроме того, к официальной подготовке относятся упомянутые *записки*, опубликованные в периодике и в различных сборниках, и документы Святейшего Синода, публиковавшиеся в его официальном периодическом органе «Церковные ведомости». Что касается предсоборных публицистических дискуссий, то здесь источниками являются отдельные сборники статей, иной раз монографии, но, прежде всего, – церковные периодические издания. За период 1905–1917 годов нами были просмотрены основные издания общецерковного значения: «Церковные ведомости», «Церковный вестник», «Богословский вестник», «Христианское чтение», «Православный собеседник», «Труды Киев-

¹⁶ См.: *Фирсов (1)*. 132–133; *Ореханов*. 80–81.

ской духовной академии», «Вера и разум». За 1917 год мы дополнительно полностью просмотрели «Всероссийский церковно-общественный вестник», отражавший не только столичные события, но и хронику с мест. Полезным подспорьем является подборка статей по дискуссиям в марте – мае 1905 года, подготовленная И. В. Преображенским к лету 1905 года¹⁷.

Среди архивных документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве и в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, наш поиск был ориентирован в основном на неопубликованные материалы Предсоборного совещания, Предсоборного совета и Собора 1917–1918 годов. К последним относятся: стенографические отчеты пленарных заседаний Собора; материалы соборного отдела *Об епархиальном управлении*; материалы общих соборных органов (Совещания епископов, Соборного совета). В ходе архивного исследования был также обнаружен ряд документов, относящихся к реформаторской деятельности епархиальных съездов в первой половине 1917 года.

* * *

Завершая это введение, хотим поблагодарить протоиерея Владислава Цыпина – нашего научного руководителя при написании в Московской духовной академии кандидатской диссертации, которая легла в основу настоящего издания. Мы благодарны ректору Московской духовной академии архиепископу Верейскому Евгению, всем нашим академическим наставникам и товарищам, которые помогли нам советом или указаниями при написании этой работы. Не можем обойти сыновней благодарностью наших родителей – Андрея Сергеевича и Елизавету Николаевну, ближайших родственников – Екатерину Викторовну Тутунову и Виктора Сергеевича Тутунова, благодаря всесторонней поддержке которых мы были обеспечены всеми необходимыми для успешного труда внутренними и внешними условиями. Мы обращаем слова благодарности к фонду «Христианская Россия», поддержавшему публикацию нашего труда в серии «Церковные реформы: Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века», а также к руководителю данного исследовательского проекта протоиерею Николаю Балашову, который внес существенный вклад в совершенствование нашей работы. Мы признательны Вятскому епархиальному управлению и лично протоиерею Александру Балыбердину за предоставленные иллюстрации. Наконец, мы с благодарным чувством хотим почтить память безвременно почившего архиепископа Сергия (Коновалова; f 2003), нашего наставника, направившего нас на церковно-научную стезю. В общении с Владыкой у нас в свое время и зародился интерес к исследованию правотворчества Всероссийского церковного собора 1917–1918 годов.

Московская духовная академия Свято-Троицкая Сергиева Лавра 2003–2009 годы.

¹⁷ Преображенский. О времени подготовки сборника свидетельствует цензорская отметка, датируемая 20 мая и 12 августа 1905 г. (Преображенский. II).

Глава 1

Епархиальное управление в канун 1905 года

В данном разделе мы не ставим перед собой цель дать полное описание епархиальной жизни в предсборный период: это – предмет особого и большого исследования. Тем не менее, попытаемся кратко очертить те основные характеристики епархиального управления в конце ХГХ – начале ХХ века, которые будут иметь значение в рамках нашего исследования.

Основным источником законодательства, регулирующего епархиальное управление в интересующий нас период, являлся Устав духовных консисторий (УДК), последняя редакция которого была утверждена 9 апреля 1883 года (изначальная относится к 1841 году)¹⁸. Кроме того, епархиальное управление определялось рядом государственных законов, высочайшими повелениями по духовному ведомству и высочайше утвержденными докладами Святейшего Синода. В конце XIX века протоиереем Иоанном Чижевским была осуществлена попытка систематизировать этот материал (равно как и материал, касающийся других пластов церковного управления) в работе «Устройство Православной Российской Церкви – ее учреждения и действующие узаконения по ее управлению»¹⁹.

Крупнейший исследователь синодального периода И. К. Смолич, обращаясь к статистическим данным, делает вывод о том, что «число епархий не успевало за ростом населения и территории государства»²⁰. Действительно, при населении численностью в 14 миллионов (в 1722–1724 годах) Русская Церковь разделялась в 1700 году на 22 епархии (в 1764 – на 29 епархий), а при 129 миллионах населения (данные 1897 года) в 1900 году было лишь 65 епархий (в том числе одна на территории США). Таким образом, если население увеличилось приблизительно в девять раз, то число епархий – лишь в три раза. Не столь верно замечание Смолича по отношению к росту территории государства: с 1725 по 1881 год, она увеличилась лишь в полтора раза, с учетом присоединения южных, мусульманских губерний, которые могли быть предметом миссионерского попечения, но почти не включали в себя православного населения²¹. Обратимся теперь к статистике по епаршиям, которая на 1901 год (без учета епархии в США) очень подробно приводится в одном из архиерейских отзывов по вопросу о реформе, а именно в отзыве епископа Костромского Тихона (Василевского)²². В среднем, на каждую из 64 епархий приходилось 689 приходов²³ и около 1,3 миллиона только православного населения. Разброс был от 59 (Финляндская епархия) до 1536 (Московская епархия) приходов, и от 54 тысяч (Финляндская епархия) до 2,99 миллиона (Киевская епархия) православного населения. Можно насчитать 24 епархии, в которых численность православного населения не превышала миллиона, а в девятнадцати она составляла более двух миллионов.

Обратимся теперь к обзору иерархической структуры епархиального управления. Для помощи правящему архиерею в отдельные епархии назначались викарные епископы: в 1865 году Синоду было высочайше разрешено открывать викариатства в любой епархии, имеющей на то средства²⁴. Несмотря на предложение, выдвинутое еще в 1857 году святителем

¹⁸ Смолич (1). 274–275.

¹⁹ Чижевский (2).

²⁰ Смолич (1). 263.

²¹ Статистика приводится по: Смолич (1). 24 (территория), 27 (население), 266 (количество епархий).

²² ОЕА. II. 125–129.

²³ Здесь и далее расчет не совсем точный, так как в статистике, приводимой в отзыве, указывается число не приходов, но церквей, что включает, вероятно, монастырские церкви (этот вопрос не уточняется). К примеру, в Финляндской епархии насчитывалось на самом деле лишь 33 прихода (Финляндия. 955). Впрочем, верным остается порядок цифр.

²⁴ Смолич (1). 269.

Иннокентием, епископом Камчатским (будущим митрополитом Московским), создать особую инструкцию для викариев²⁵, она так и не была выработана. Таким образом, каждый архиерей определял круг дел своих викариев так, как сам хотел, и мог, например, назначать их заведовать просфорнями и псаломщиками епархии²⁶. Смолич насчитывает лишь три епархии (Вологодскую, Вятскую, Варшавскую), в которых имелись викарии, управляющие частью епархии и обладающие собственным духовным правлением, наподобие консистории²⁷. В других епархиях такое могло иметь место лишь по личной инициативе правящего архиерея, как, например, в Волынской епархии, где, в бытность свою на кафедре, преосвященный Антоний (Храповицкий) создал специальную инструкцию для своих викариев, предусматривающую их фактически самостоятельное управление в уездах епархии²⁸. Более определенной и эффективной, с точки зрения структуры управления, была система деления епархий на благочиннические округа (благочиния). В состав каждого благочиния входило по 10–30 приходов²⁹. Деятельность благочинного определенно была установлена «Инструкцией благочинному приходских церквей», составленной в 1775 году митрополитом Платоном (Левшиным), объявленной Синодом обязательной для всех епархий и дополненной в 1857 году. УДК определяет благочинных как лиц, «чрез которых производится управление или надзор в епархиальном ведомстве»³⁰. «Благочинному предоставлено право надзора за всеми сторонами состояния церквей и приходов его округа», начиная с благоустройства или постройки церквей и кончая церковным письмоводством, поведением духовенства, их семей. Ему же принадлежал и суд по мелким проступкам клириков³¹. По итогам каждого года благочинный составлял подробный отчет по своему благочинию в целом и по каждому клирику и приходу в частности. Сюда вносились, в том числе, и отметки о поведении каждого члена причта³². По мнению СВ. Римского,

канцелярщина, опутавшая за годы николаевского царствования Церковь, сделала фигуру благочинного ключевой в том смысле, что именно благочинный был первой инстанцией, контролировавшей жизнь приходского духовенства, следившей за правильностью ведения многочисленной документации священниками³³.

Благочинные, наравне с другими должностными лицами епархии, подпадали под общее предписание Устава духовных консисторий:

Избрание и определение доверенных лиц на места и должности, чрез которых производится управление или надзор в епархиальном ведомстве, зависит от Епархиального Архиерея, которому Консистория на открывающееся место представляет кандидатов³⁴.

С 1860-х годов распространилась было в отдельных епархиях практика выборности благочинных – в 1879 году, при митрополите Макарии (Булгакове), в Московской епархии были даже выработаны специальной комиссией подробные правила о выборах благочинных. Однако Синод положил конец этой практике в 1881 году, издав указ, в котором подтверждалось,

²⁵ Римский. 57.

²⁶ Викарные епископы. 1019–1020.

²⁷ Смолич (1). 270.

²⁸ Антоний.

²⁹ Смолич (1). 276–277; УДК. Ст. 65.

³⁰ УДК. Ст. 63.

³¹ Чижевский (2). 13–14.

³² УДК. Ст. 87.

³³ Римский. 83.

³⁴ УДК. Ст. 63.

что благочинные должны, в согласии с УДК, назначаться епархиальным архиереем³⁵. Из вспомогательных органов благочиннического управления можно назвать благочиннические съезды и советы. Однако ни то, ни другое учреждение не являлись законодательно оформленными установлениями, и само существование их стояло в зависимости от доброй воли епархиального начальства. Роль благочиннических съездов была в основном совещательной: на них обсуждались разные аспекты местной пастырской деятельности. Впрочем, в отдельных епархиях съезды рассматривали работу благочиннических советов и, в случае жалоб на них, могли делать представление епархиальному архиерею³⁶. Благочиннические советы, будучи также установлением, не имеющим под собой законодательной почвы, тем не менее, получили распространение по всем епархиям в той форме, которая была предусмотрена в инструкциях, составленных для них в литовской консистории в 1870 году³⁷. Состав их включал благочинного и двоих или более выборных членов духовенства³⁸. Их основной деятельностью был мелкий суд по вопросам о недовольстве между членами клира, а также между клириками и мирянами. Кроме того, в их компетенцию входило отмечать поведение клириков по клировым ведомостям, представлять клириков и старост к наградам, собирать сведения о нуждающихся духовного звания, наблюдать за сбором взносов в духовную семинарию и училища³⁹.

Наконец, на низшей ступени устройства епархии находился приход, являвшийся «церковно-общественным учреждением», связанным с «определенной местностью, с обитающим в границах ее населением»⁴⁰. Таким образом, для решения приходских дел, например, для выбора церковного старосты⁴¹ или рассмотрения приходских финансовых вопросов, круг прихожан определялся просто – это было православное население, проживавшее в определенной местности. Этим же принципом руководствовались и при пастырском окормлении прихожан, совершении таинств, а также, например, при соблюдении законодательно закрепленного обязательного ежегодного говенья и причащения⁴². Следует помнить, что Россия была большей частью сельской страной⁴³. В посмертно опубликованной рукописи В. В. Болотов, пытаясь найти в истории наиболее подходящую модель церковного устройства для России, исходит из того, что она является «и теперь и – Бог даст – еще на целые столетия почти сплошь *деревенской*»⁴⁴. Следовательно, распределение населения по приходам было и естественно, и легко осуществимо. В городах же этот вопрос решался не так просто: «При отсутствии точного, твердо установленного распределения городских приходов, принятое ныне распределение их не всегда соблюдается духовенством», – замечает протоиерей Иоанн Чижевский, напоминая об указе Синода, предписывающем

привести в точную известность нынешний состав каждого прихода
в столицах и губернских городах <...> а затем составить обязательное

³⁵ См.: Романский. 335–338.

³⁶ См.: Благочиннические съезды.

³⁷ См.: Благочиннические советы. 705.

³⁸ См.: Благочиннические советы. 707–708.

³⁹ См.: Благочиннические советы. 708–709.

⁴⁰ Чижевский (2). 85.

⁴¹ УДК. Ст. 94.

⁴² Чижевский (2). 82. Об обязательности причащения см.: УДК. Ст. 15–17.

⁴³ Для справки приведем статистические данные о населении России по Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона. На 1897 г., за исключением Финляндии, население России состояло на 77,1 % (в Европейской России – на 84,2 %) из представителей крестьянского сословия. Среди них 93,3 % жили вне городов. *Россия* (2). XLX. Всего же населения жившего вне городов (включая Финляндию), на 1897 г. – 111 059 532 (при общем населении 128 195 483), то есть 86,6 %. В Европейской России это число равно 81 378 352 (общее – 93 442 864), то есть 87,1 %. *Россия* (2). III.

⁴⁴ Болотов (1). 100.

к исполнению расписание с точным обозначением входящих в состав их улиц и домов⁴⁵

Приходы могли насчитывать от нескольких сотен до нескольких тысяч прихожан. По сведениям, приводимым Смоличем, штаты 1842 года делили приходы на шесть классов, первый из которых предполагал наличие менее 400 прихожан, а шестой – более 2000⁴⁶. Заметим, что, хотя Смолич употребляет термин «прихожане», речь идет, вероятно, о «душах» мужского пола. Термин «прихожане» Смолич употребляет и ниже, по отношению к штатам 1885 года, в которых счет шел на «души» мужчин. В дальнейшем приходы подвергались укрупнениям. Упомянутые штаты 1885 года (синодальный указ от 16 февраля) разделяют приходы на две основные группы: менее 700 и более 700 душ. Каждому классу приходов соответствовала определенная численность назначаемого духовенства: причты «в приходах, имеющих менее 700 душ мужского пола, состоят из священника и псаломщика; а в приходах, имеющих более 700 душ, – из священника, диакона и псаломщика»⁴⁷. Впрочем, в другом указе Синод отмечал существование принтов не только из двух или трех клириков, но и пяти, семи или девяти⁴⁸. При желании или необходимости архиерей мог ходатайствовать перед Синодом об изменении состава назначаемого на определенный приход духовенства⁴⁹.

Таким образом, основная иерархическая структура в епархии выстраивалась по принципу епископ-благочинный-приход. Эта структура осложнялась множеством вторичных учреждений, среди которых можно назвать «советы и правления по делам епархиально-училищным, миссионерским, братским, епархиальные съезды, вспомогательные и эмеритальные кассы, свечные заводы и другие»⁵⁰.

Но главным учреждением, занявшим совершенно особое место в системе епархиального управления, была духовная консистория, определенная в УДК как:

присутственное место, чрез которое, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производится управление и духовный суд в поместном пределе Православной Российской Церкви, именуемом епархией⁵¹.

В ведении консистории находились все дела по епархии и по сношению с вышестоящими органами церковной власти⁵². Дела судные также входили в круг дел консистории⁵³, которая являлась одновременно административным и судебным учреждением. Консистория состояла из присутствия, в которое входили члены в пресвитерском сане, назначаемые епископом с утверждением Синодом⁵⁴, и канцелярии, возглавляемой секретарем, назначаемым Синодом по представлению обер-прокурора⁵⁵. Увольнялись члены и секретарь в том же порядке. Делопроизводство консистории распределялось по отделениям или столам, каждый из которых состоял под наблюдением одного из членов присутствия⁵⁶, а возглавлялся подчиненным секре-

⁴⁵ Чижевский (2). 85–86. Выделение автора.

⁴⁶ Смолич (1). 334.

⁴⁷ Чижевский (2). 27.

⁴⁸ Чижевский (2). 28.

⁴⁹ Смолич (1). 334–335. Чижевский (2). 26–31.

⁵⁰ О преобразовании. 1901.

⁵¹ УДК. Ст. 1.

⁵² Смолич (1). 274.

⁵³ Судным делам посвящен весь третий раздел УДК. ст. 148–277, то есть более трети объема Устава, состоящего из 364 статей.

⁵⁴ УДК. Ст. 280.

⁵⁵ УДК. Ст. 284.

⁵⁶ УДК. Ст. 294.

тарю столоначальником. Любое дело должно было решаться при участии всех членов⁵⁷. Архиерей при этом не присутствовал. Принятые решения представлялись на утверждение архиерея, который мог их отвергнуть и постановить свое решение⁵⁸.

Следует отметить факт централизации и бюрократизации церковной власти. СВ. Римский указывает, что в рассматриваемый им период центральный аппарат церковного управления «продолжал трансформироваться по подобию министерств»⁵⁹. Именно «в связи с бюрократизацией государственного аппарата в синодальный период все более сложным становилось и делопроизводство епархиальных управлений»⁶⁰. Сопоставимость консистории с государственным аппаратом имеет в виду и УДК, предусматривающий, что устройство присутствия «должно быть согласно во всем с постановленными в Своде законов Российской империи правилами о внешнем устройстве и благочинии губернских присутственных мест»⁶¹.

Аналогия между этими учреждениями подтверждается при сравнении IV раздела УДК («Устройство консистории») с относящимся к 1892 году законодательством, определявшим деятельность губернских присутственных мест⁶². Общие принципы остаются теми же: по принятии бумаги в учреждение⁶³, она проходит первичную канцелярскую обработку, состоящую в помете секретарем (дата, номер) и во внесении в реестры входящих бумаг и настольный⁶⁴. Затем канцелярия подготавливает докладную записку по данному делу, включающую все необходимые справки из законов, из архивных дел, из других учреждений⁶⁵. Дело докладывается в присутствии секретарем или, согласно УДК, под его руководством – столоначальником⁶⁶ и решается общим обсуждением и голосованием дел⁶⁷. При разногласии дело решается большинством голосов, но оставшиеся в меньшинстве могут письменно подать особое мнение⁶⁸. Секретарь также имеет право сделать представление против данного решения, когда оно, по его мнению, не согласуется с законом. Это представление вносится в журнал или протокол⁶⁹. Резолюция по делу может записываться в журнале или через отдельный протокол в зависимости от важности дела⁷⁰. Журналы подписываются лишь присутствующими членами, протоколы – всеми⁷¹. На этом завершается решение дела в светских губернских учреждениях. В духовном же ведомстве все журналы и протоколы, а также особые мнения к ним и рапорты секретаря, в случае его несогласия, препровождаются архиерею, который, просмотрев их, надписывает «исполнить» или «утверждается». Архиерей может утвердить мнение меньшинства или, при несогласии с единогласным решением, вернуть дело в консисторию⁷².

⁵⁷ УДК. Ст. 313.

⁵⁸ УДК. Ст. 330.

⁵⁹ Римский. 546.

⁶⁰ Смолич (1). 268.

⁶¹ УДК. Ст. 288.

⁶² Губернские присутственные места. Ст. 24–165.

⁶³ УДК. Ст. 298; Губернские присутственные места. Ст. 86.

⁶⁴ УДК. Ст. 303–304; Губернские присутственные места. Ст. 89–90.

⁶⁵ УДК. Ст. 305; Губернские присутственные места. Ст. 96–97, 100.

⁶⁶ УДК. Ст. 307; Губернские присутственные места. Ст. 104.

⁶⁷ УДК. Ст. 313–314; Губернские присутственные места. Ст. 107–111. Процедура обсуждения намного подробнее расписана в отношении губернских присутственных мест.

⁶⁸ УДК. Ст. 324; Губернские присутственные места. Ст. 112–114, 116–117. Эта процедура более детализована в отношении губернских присутственных мест.

⁶⁹ УДК. Ст. 315, 326; Губернские присутственные места. Ст. 115.

⁷⁰ УДК. Ст. 316–319; Губернские присутственные места. Ст. 120, 125, 129.

⁷¹ УДК. Ст. 323; Губернские присутственные места. Ст. 121, 127.

⁷² УДК. Ст. 328–329.

Сходными являлись также законодательные нормы гражданского и духовного ведомств в том, что касается «исполнения дел»⁷³, «вступления, хранения и движения сумм»⁷⁴, «содержания и хранения дел в архиве»⁷⁵, «порядка сношений»⁷⁶. Характерна для консисторского делопроизводства чрезвычайная детализация канцелярских отношений и докладов, даже большая, чем в губернском производстве. Иллюстрацией может служить пример одного «из самых простейших способов исполнения и самых простейших архиерейских резолюций», приведенный в мнении секретаря Енисейской консистории, приложенном к отзыву епархиального архиерея⁷⁷. Входящая бумага принимается под расписку дежурным чиновником; им записывается в дежурную книгу; передается под расписку секретарю; передается под расписку регистратору; передается под расписку столоначальнику; вносится в настольный реестр; если не заводится новое дело, в любом случае вносится в алфавитный реестр; докладывается присутствию (решение может быть всего лишь «сообщить причту резолюцию»); решение подписывается не менее чем тремя членами; пишется указ причту за подписью члена, секретаря, столоначальника; указ сдается регистратору для внесения в исходящий журнал и отправки; при этом в докладной журнал вносятся, кроме содержания резолюции, дата последней, дата исполнения, номер и год дела, к которому бумага принадлежит.

Такая детализация бумажного производства касалась и низших инстанций. Протоиерей Иоанн Чижевский, помимо уже упомянутой нами работы, составил насчитывающий 370 страниц справочник по церковному письмоводству для благочинных и настоятелей церквей⁷⁸. Согласно приводимым здесь сведениям, каждый благочинный должен был в год подавать в консисторию около полусотни рапортов и бумаг (в том числе и при препровождении различных денежных сборов), это – не считая каких-либо исключительных (что не значит – редких) случаев, связанных, например, со смертью священника, починкой церкви⁷⁹.

Такая бюрократизация соединена с усилением связи государства с Церковью⁸⁰, становлением «государственной церковности»⁸¹. По мнению СВ. Римского, через введение УДК епархиальное управление «уподобилось высшему светскому, то есть перешло под контроль государственных чиновников – обер-прокурора и его подчиненных»⁸². Речь здесь идет о секретарях духовных консисторий.

Назначение и увольнение секретарей консисторий совершалось помимо епархиальных архиереев. Формально занимая скромную должность начальника канцелярии, секретарь на самом деле стал ключевым лицом в консисторском правлении. Действительно, отмечает Римский, «растет бумажный вал, с которым могли справиться только специальные структуры», а именно – чиновничьи структуры, специально занимающиеся делопроизводством, оформлением дел в соответствии с законодательством, составлением к делам многочисленных справок из законов. Итак, вся сложная подготовка дел, от которой во многом зависели опреде-

⁷³ УДК. Ст. 333–342; *Губернские присутственные места*. Ст. 130–149.

⁷⁴ УДК. Ст. 343–346; *Губернские присутственные места*. Ст. 150–151.

⁷⁵ УДК. Ст. 347–356; *Губернские присутственные места*. Ст. 50–67.

⁷⁶ УДК. Ст. 357–364; *Губернские присутственные места*. Ст. 152–165.

⁷⁷ ОБА. ГГ. 644.

⁷⁸ Чижевский (1).

⁷⁹ Чижевский (1). 152–175 (регулярные представления), 176–188 (представления по разным случаям).

⁸⁰ Эта тема развивается не одним исследователем; из последних работ на эту тему, см. особенно: Фирсов (1). 36–52, и всю первую главу этой работы под знаковым заглавием «Русская Православная Церковь и «ведомство православного исповедания». Один из важнейших тезисов автора следующий: пересмотр, даже частичный, синодальной системы, представлял тем большую трудность, что «за XVII и XVIII столетия она стала частью единой системы управления империи, и ее изменение неминуемо повлекло бы за собой «цепную реакцию», вызвав необходимость реформы других звеньев». – Фирсов (1). 131.

⁸¹ Выражение И. К. Смолича: Смолич (1). 21.

⁸² Римский. 76.

ние присутствия консистории и резолюция архиерея, была сосредоточена в руках чиновников под руководством секретаря⁸³, который не только назначается помимо архиерея, но и,

находясь под ближайшим начальством епархиального архиерея, состоит вместе с тем в *непосредственном* ведении обер-прокурора Святейшего Синода, как блюстителя за исполнением законных постановлений по духовному ведомству⁸⁴.

По УДК, независимо от присутствия консистории и даже от епархиального архиерея, секретарь «представляет обер-прокурору Святейшего Синода срочные сведения»⁸⁵ и получает от него предписания⁸⁶.

Таким образом,

секретарь стал как бы личным представителем обер-прокурора и чувствовал себя настолько уверенно, что мог совершенно не опасаться архиерейского неудовольствия, напрямую обращаться к своему столичному начальству и сообщать ему обо всем так, как находил нужным⁸⁷.

Из изложенного выше мы можем сделать вывод о том, что консистория фактически являлась частью государственного аппарата, «присутственным местом», действовавшим, как любое гражданское присутственное место, согласно своему уставу и множеству церковно-государственных узаконений. Заметим, что по приведенному выше определению УДК, консистория являлась не вспомогательным органом для архиерея, но местом, «*через которое*, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производится управление». Это выражение можно понимать в том смысле, что епархия управляется Святейшим Синодом, хотя и опосредовано, через консисторию и епархиального архиерея, как показывает ст. 2 УДК:

Консистория, вместе с епархиальным архиереем, состоит в ведении Святейшего Синода, яко Правительствующего Российской Церкви Собора, от одного Синода принимает указы, и кроме Синода и епархиального архиерея, никакое другое присутственное место или начальство не может непосредственно входить в ее дела, ни останавливать ее решений и распоряжений во всем том, что принадлежит к кругу действий духовного ведомства.

Таким образом, фактически «в епархиях сохранялось двоевластие: епархиальный архиерей и духовная консистория, которая была подотчетна именно синодальной бюрократии»⁸⁸. В частности, это еще означало и то, что «действовавший Устав фактически ограничивал каноническую власть епископа, а потому находился в противоречии с каноническим правом»⁸⁹. Каноническая власть архиерея ограничивалась не только через подчинение консистории Синоду, но и через централизацию решения ряда дел епархиального значения:

открытие новых приходов и упразднение старых, учреждение и закрытие монастырей, духовных школ – епископы не решали собственной властью, а предоставляли свои ходатайства в Святейший Синод. В Синоде рассматривались и почти все бракоразводные дела. Без предварительного разрешения Синода епархиальный архиерей не мог никого публично отлучить от Церкви⁹⁰.

⁸³ Римский. 79–80.

⁸⁴ УДК. Ст. 284. Выделение наше.

⁸⁵ УДК. Ст. 341.

⁸⁶ УДК. Ст. 284, 311.

⁸⁷ Римский. 78–79.

⁸⁸ Митрофанов. 5.

⁸⁹ Римский. 81.

⁹⁰ Цытин (3). 157–158.

Это ограничение власти архиереев усиливалось теми рычагами воздействия, которыми обладали государственная и центральная церковная власть.

Проникновение бюрократических традиций в церковную жизнь в итоге привело к тому, что в России XVII–XVIII веков считалось вполне естественным «награждать» архиерея переводом на более «выгодную» кафедру или же, наоборот, наказывать оставлением в бедной епархии⁹¹.

По-видимому, распространение эта практика получила при обер-прокуроре НА. Протасове (1836–1855), а затем была широко применяема при обер-прокурорах К. П. Победоносцеве (1880–1905) и В. К. Саблере (1911–1915)⁹². Смолич приводит, в частности, такие цифры: «В 1880–1894 гг. произошло 48 перемещений, а 18 епископов по своей воле или вынужденно ушли на покой»⁹³. В сборнике «К церковному Собору», изданном «группой петербургских священников», приводится следующий факт: на 1903 год, считая всех 104 епархиальных и викарных архиереев, среднестатистическое время пребывания на кафедре составляло четыре года⁹⁴. Если, на тот же год, обращаться к статистике по кафедрам, то, за исключением двух миссий, столиц и Киевской кафедры, из 64 архиереев 16 служили свыше пяти лет на одной кафедре, 22 – от двух до пяти лет, 26 – около года или менее года⁹⁵. При этом разброс кафедр, куда назначался архиерей, мог быть весьма велик: Смолич приводит пример архиепископа Никанора (Каменского), за 18 лет побывавшего на кафедрах Архангельска, Смоленска, Орла, Екатеринбурга, Еродно, Варшавы, Казани⁹⁶. Такая неканоничная система перемещений⁹⁷, по мнению СВ. Римского «использовалась императором и высшей церковной бюрократией как удобный инструмент для поощрения и приручения или, наоборот, наказания строптивых и неугодных»⁹⁸.

Следует при этом учитывать, что, по действующему законодательству, само назначение епископов фактически зависело от государственной власти. На доклад Синода, «в праздный Эпархии, в духовном собрании избирать ли в Архиереи, и по доношению Царскому Пресветлому Величеству оных к поставлению и к местам определять ли?» – Петр I наложил 14 февраля 1721 года резолюцию: «Выбирать по две персоны, и которую определим, посвящать и определять»⁹⁹. Позднее, при Александре I, число представляемых Синодом кандидатов было увеличено до трех¹⁰⁰. Еоворить здесь о сочетании епископского избрания и народного волеизъявления (в лице монарха)¹⁰¹ представляется нам натяжкой. Действительно, в своих отношениях с Синодом, монарх выступал не в качестве мирянина – члена Церкви, и не в качестве представителя народа, но, по тексту присяги членов Синода, помещенной во введении к Духовному Регламенту¹⁰², в качестве «крайнего судии». В данном вопросе можно даже отстраниться от трактовки именованья, со времени Павла I, императора «главой Церкви», поскольку интерпретация этого именованья проблематична¹⁰³. И тем не менее, нельзя не обратить внимания

⁹¹ Фирсов (1). 76.

⁹² См.: Смолич (1). 297, 306.

⁹³ Смолич (1). 558, прим. 129.

⁹⁴ К Собору. 18.

⁹⁵ Преображенский. 331 (А. Р. Немножко «церковной» статистики // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 8 апреля).

⁹⁶ Смолич (1). 558, прим. 129.

⁹⁷ Она противоречит правилам Ап. 14,1 Всея. 15 и 16, IV Всея. 5.

⁹⁸ Римский. 69.

⁹⁹ ПСЗ. 1720–1722: 355–356, № 3734. В некоторых исследованиях это законодательство ошибочно относится к Духовному Регламенту (Павлов (1). 172; Цытин (2). 413).

¹⁰⁰ См.: Смолич (1). 294.

¹⁰¹ См.: Цытин (2). 413.

¹⁰² ДР6-8.

¹⁰³ См. об этом: Смолич (1). 117–118, 120–122.

на 43 статью Основных государственных законов: «В управлении церковном Самодержавная власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного»¹⁰⁴.

Таким образом, отношение императора к Синоду определялось как отношение правителя к органу своего управления. Наконец, даже если понимать голос императора как совокупный голос мирян, встает вопрос о том, почему, в таком случае, голос мирян доминирует над голосом епископов. Впрочем, указывая на такой недостаток, подчеркнем – недостаток *de jure* в положении епархиального епископа в синодальный период, следует сказать о том, что, по мнению знаменитого историка Н. Ф. Каптерева, такая же ситуация *de facto* имела место и в до-синодальный период: «Епархиальные архиереи патриаршего периода были ставленниками только светской власти, от которой они всегда и во всем зависели», – они правили точно так же и воспринимались народом точно так же, как царские воеводы: этот заведовал одной областью, а тот – другой¹⁰⁵. Впрочем, этот вопрос выходит за временные рамки нашего исследования.

Еще одним фактором, характеризующим епархиальное управление в рассматриваемый период, является становление ученого монашества, как источника кандидатов в епископы. Первоначально такое положение было создано и проводилось Петром I¹⁰⁶, и в дальнейшем оно развивалось с переменным успехом, пока с новой силой не вспыхнуло под влиянием преосвященного Антония (Храповицкого)¹⁰⁷ Епископский сан становился в какой-то степени итогом «карьеры» монаха, принявшего постриг на академической скамье: «Достаточно было средних способностей и стажа педагогической деятельности, которые через несколько лет обеспечивали кафедру», – считает Смолич¹⁰⁸. Путь академического монаха, в таком представлении, состоял из цепи достаточно кратковременных пребываний на различных начальственных должностях в духовных школах или монастырях и завершался архиерейством¹⁰⁹. При этом характерным для ученого монашества было принятие пострига в молодом возрасте. Таким образом, по мнению современников, кандидаты из ученого монашества при принятии архиерейства характеризовались незрелостью – с точки зрения возраста, духовного опыта и собственно подготовки к высшей начальственной должности (поскольку ими почти не проходились низшие, подчиненные ступени)¹¹⁰.

Однако следует уточнить данное утверждение. На основе биографических справок о 63 епископах, приведенных в переиздании «Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»¹¹¹, мы можем привести следующую статистику: лишь 20 архиереев приняли епископский сан ранее 40 лет, в том числе один – в возрасте 32 лет (а именно – будущий Патриарх, святитель Тихон Московский), трое¹¹² – в возрасте 34 лет (остальные были от 35 лет и старше). Если же говорить о самостоятельной епископской кафедре, то лишь один вззошел на нее в возрасте 33 лет (тот же святитель Тихон), и 10 – в возрасте от 36 до 39 лет.

Исходя из сказанного, можно понять причины, создавшие определенный облик архиерея конца XIX – начала XX века, – облик сановитого чиновника, который «по большей части прикован к своему письменному столу»¹¹³ и в котором даже «губернатор видел <...> чинов-

¹⁰⁴ Свод Законов (1), т. I, ч. 1, раздел первый, VII (С. 4). В Основных законах издания 1906 г. этой статье соответствует статья 65: Свод Законов (2), т. I, ч. 1, раздел первый, глава 7 (С. 5).

¹⁰⁵ Каптерев (1). 48.

¹⁰⁶ См.: Смолич (1). 290.

¹⁰⁷ См.: Фирсов (1). 86.

¹⁰⁸ Смолич (1). 291.

¹⁰⁹ См.: Фирсов (1). 91.

¹¹⁰ См.: Фирсов (1). 92.

¹¹¹ ОЕА. II. 1006–1042.

¹¹² Преосвященные Антоний (Храповицкий), Макарий (Павлов), Сергей (Страгородский).

¹¹³ Смолич (1). 268.

ника по «ведомству православного исповедания»¹¹⁴. Это и не удивительно, поскольку, в силу способа назначения, епископ *de facto* имел основание своих полномочий в воле императора. По мнению И. К. Смолича, и в среде самих архиереев их «наиболее значимые представители видели свою задачу в управлении верующими, а не в их пастырском окормлении», в чем исследователь видит «трагедию русского епископата синодального времени». Непродолжительность пребывания на кафедре, незрелость многих архиереев, «представление об особой возвышенности и неограниченности епископской власти и роскошь архиерейского быта, которую принесли с собой в Великороссию украинские иерархи в XVIII веке»¹¹⁵, по мнению того же ученого, привели к разрыву между епископом, с одной стороны, и клиром и народом – с другой.

Необходимо, однако, внести определенные нюансы в очерченный здесь портрет синодального архиерея начала XX века. По статистике на 1905 год, из 109 епархиальных и викарных архиереев 36 % были из вдовцов¹¹⁶. Более того, не следует забывать, что большинство из них происходили из того же духовного сословия (не менее 72-х, и лишь об 11 достоверно известно противное¹¹⁷), то есть не могли не помнить, на что походила жизнь священно- и церковнослужителя¹¹⁸. Наконец средний возраст архиереев был чуть выше 50 лет¹¹⁹, в среднем же епископами становились, как следует из упомянутых выше биографических данных, в 44 года (самостоятельными – в 47 лет)¹²⁰. С. Л. Фирсов замечает по этому поводу, что «это были знавшие жизнь, прежде всего и преимущественно жизнь церковную, священнослужители»¹²¹. Знание этой жизни и высокий образовательный ценз архиереев проявились в 1905–1906 годах в высоком уровне и практической жизненности большей части отзывов, материал которых «богат и интересен глубокими замечаниями тогда, когда архиереи пишут именно о епархиальной и приходской жизни»¹²². Наконец, напоминает Фирсов, «спустя четверть века, в революционную эпоху строительства безбожного государства, многие «карьеристы» отдали свою жизнь за веру и Церковь»¹²³.

Завершая наш краткий очерк, скажем о пастырских собраниях и о епархиальных съездах духовенства. Пастырские собрания, по-видимому, возникли в 1860-х годах на уровне благочиния в Минской епархии для обсуждения хозяйственных вопросов, вопросов распространения грамотности и охранения от римско-католической пропаганды, для мирового братского суда. Затем эти собрания распространились и в других епархиях¹²⁴. В дальнейшем они возникают в Санкт-Петербурге (в 1895 году) и Киеве (в 1903 году), где для них местно разрабатываются правила¹²⁵. Однако к началу рассматриваемого нами предсоборного периода пастырские собрания не имеют какого-либо оформленного существования, ни, тем более, узаконения, действующего для всей Русской Церкви.

¹¹⁴ Смолич (I). 299.

¹¹⁵ Смолич (I). 300.

¹¹⁶ Ореханов. 132. Вместе с тем, можно говорить об определенном спаде этой характеристики, поскольку на 1887 г. епископы из вдовцов составляли 71 % епископата (*там же*).

¹¹⁷ Фирсов (I). Ю.

¹¹⁸ См. мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского), с болью вспоминавшего об унижении своего отца-священника в условиях бедности (*Евлогий*. 17–19).

¹¹⁹ Фирсов (I). 87.

¹²⁰ ОЕА. II. 1006–1042.

¹²¹ Фирсов (I). 87.

¹²² Ореханов. 132.

¹²³ Фирсов (I). 85. Впрочем, это последнее замечание будет не совсем верным по отношению к архиереям, приславшим отзывы в 1905–1906 гг. Следуя биографической справке, приведенной в конце недавнего издания отзывов (ОЕА. II 1006–1042), можно привести следующие данные. Из 63 архиереев лишь 30 скончались после 1918 г. Из них на нынешнее время канонизованы 5 архиереев (впрочем, возможно, что этот процесс не завершился). Кроме того, 5 скончались в расположении Белой армии или эмиграции, 3 скончались в обновленческом расколе.

¹²⁴ Пастырские собрания. 52.

¹²⁵ Пастырские собрания. 55–57.

Несколько иным является положение епархиальных съездов духовенства. Их существование находит свою основу в уставах духовных семинарий и училищ 1867 года, согласно которым семинарии, равно как и духовные училища, «возглавлялись правлениями, состоявшими из представителей преподавательского состава и епархиального духовенства»¹²⁶. В семинарском правлении таких представителей было трое; о них сказано, что они «избираются духовенством, с утверждением местного Преосвященного, на шесть лет»¹²⁷. Заметим при этом, что собственно о собраниях духовенства в уставе семинарий даже не упоминалось, то есть не определялось, посредством какого органа будут избираться члены правления. Такой орган упоминался лишь в уставе училищ. Предполагалось учреждение собраний духовенства на уровне училищных округов (участков, приписанные к тому или иному духовному училищу епархии), причем они имели полномочия, включающие в себя и обсуждение экономических нужд училищ¹²⁸. Здесь же даны и подробности проведения этих собраний (численность делегатов, отношение к архиерею)¹²⁹. Впрочем, в том же 1867 году, по представлению Учебного комитета, Синод определил более точные правила, касающиеся общепархиальных съездов. Здесь определялась периодичность таких съездов – шесть лет, и предоставлялось епархиальному архиерею собирать эти съезды для обсуждения «хозяйственных экономических вопросов, касающихся духовно-учебных заведений»; журналы съезда восходили на усмотрение архиерея¹³⁰. Позднее, в объяснительной записке к уставам 1884 года последовало распоряжение:

существующие съезды духовенства <...> вполне предоставить усмотрению и распоряжениям епархиальных преосвященных, не стесняя их определительными указаниями относительно времени созыва съездов, числа депутатов и способа их выборов, а равно и предметов их занятий¹³¹.

На практике, епархиальные съезды «с каждым годом уходили все дальше и дальше от границ предоставленных им полномочий»¹³², как в хозяйственной, так и в иных областях. Прежде всего это касается вопроса обеспечения духовенства.

Благодаря съездам, возникли во многих епархиях эмеритальные, взаимовспомогательные и ссудо-сберегательные кассы, свечные заводы, склады для разных предметов церковного обихода: вина, масла, ладана, утвари, облачений и проч.

– отмечал в 1905 году обер-прокурор К. П. Победоносцев¹³³. Право учреждать свечные заводы или лавки для обеспечения местных духовных школ и благотворительных учреждений было предоставлено съездам высочайшим соизволением (в декабре 1870 года)¹³⁴. Кроме того, съезды широко обсуждали вопросы пастырского характера – церковного благочиния, миссии и другие:

о религиозно-нравственной жизни приходов, об отношениях духовенства к прихожанам, о регулировании платы за требы, о слабостях и недостатках духовенства, о школах воскресных и церковноприходских,

¹²⁶ Смолч (1). 455; ср.: УПДС § 94, 96; УПДУ. § 34.

¹²⁷ УПДС. § 94.

¹²⁸ УПДУ. § 24.

¹²⁹ УПДУ. % 21–23, 25.

¹³⁰ Введенский (1), [А]. 2075–2077.

¹³¹ Введенский (1), [В]. 2122 – Со ссылкой на «Свод уст[авов] и пр[авил] дух[овных] семин[арий] СПб., 1908 г. Приложение], стр. 88».

¹³² Введенский (1), [В]. 2123.

¹³³ О преобразовании. 1904.

¹³⁴ Введенский (2), [А]. 1438.

обустройстве внебогослужебных собеседований, одедах миссионерских, вопросах пастырской практики и тому подобном¹³⁵.

Впрочем, учитывая ограниченность фиксированных прав епархиальных съездов, затруднительно характеризовать их как элемент церковного *управления*. Это скорее сословный орган, решающий, в основном, сословные экономические задачи, хотя отчасти и приобретший со временем значение совещательного пастырского органа. Следует, однако, заметить, что, начиная с 1905 года, на волне обсуждения церковной реформы, на этих съездах нередко пойдет речь и о принципиальных вопросах церковной жизни.

* * *

Итак, иерархическая система епархиального управления состояла из линии епископ – благочинный – приход. При этом, «епархиальное начальство» состояло не только из епископа, но из епископа в сочетании с духовной консисторией. Консистория же не может рассматриваться лишь как одно из подведомственных архиерею учреждений епархии – она имела и правительствующее значение, *de facto* была во многом независима от архиерея и ограничивала его власть. Впрочем, *de jure* определенной независимостью от архиерея обладал только секретарь консистории. Характерной чертой епархиального управления ко времени начала предсоборной подготовки является также бюрократичность системы управления и фактическая отдаленность аппарата управления (за исключением низшего уровня – благочинных), действующего в основном через бумажные сношения, от управляемых – клириков и паствы. Епископат, связанный обширными административными обязанностями, был отдален от паствы еще и вследствие пространности епархий, а также развившейся практики частых перемещений епископов. Эта неканоническая практика может быть поставлена в одном ряду с другими неканоническими ограничениями епископской власти, как со стороны консистории, так и «сверху», через возведение к Синоду полномочий по ряду внутриепархиальных дел. Наконец, предвосхищая одну из основных тем будущих дискуссий, следует отметить, что, помимо имеющих узкое значение епархиальных съездов, духовенство и миряне не были включены в систему епархиального управления.

¹³⁵ Пастырские собрания. 54.

Глава 2

Реформа епархиального управления: постановка проблемы в первые годы XX века

Устройство епархиального управления стало вызывать нарекания и побудило к поискам возможных его преобразований задолго до начала собственно предсоборной подготовки. Записка митрополита Антония (Вадковского) сопровождалась краткой библиографией, в которую входили книги, «касающиеся принципиального решения вопроса о преобразованиях церковного управления в целом»¹³⁶. Таким образом, сам составитель записки ставит свои предложения о преобразовании церковного управления в контекст тезисов указанных им работ (что, впрочем, не означает согласия с этими тезисами, тем более что они не однородны). Более того, из этих и еще некоторых работ была составлена, в рамках Комитета министров, подборка извлечений под сходным с запиской митрополита Антония названием «Справка к вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви»¹³⁷. Среди упомянутых в записке работ три, так или иначе, касаются епархиального управления, а именно: серия статей протоиерея А. М. Иванцова-Платонова «Письма о нашем церковном управлении»; статья Н. А. Заозерского «О средствах усиления власти Высшего церковного управления» и, наконец, работа П. В. Тихомирова «Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению»¹³⁸.

* * *

Статьи протоиерея А. М. Иванцова-Платонова¹³⁹ были впервые опубликованы в 1882 году. В 1898 году они были переизданы отдельным сборником. По мнению английского исследователя Дж. Каннингема, которое воспроизводит и С. Л. Фирсов, именно эта перепечатка «вызвала желание реформы Церкви, как в церковных, так и в светских кругах»¹⁴⁰. Впрочем, ни тот, ни другой исследователь не доказывают очевидным образом эту причинно-следственную связь. У того и другого затем лишь приводится описание ряда последующих публикаций¹⁴¹, связь которых со статьями протоиерея Иванцова-Платонова не анализируется. Тем не менее, уже в силу присутствия этих статей в библиографии записки митрополита Антония, невозможно недооценивать их значение в подготовке дискуссий о реформе. Кроме того, работы Иванцова-Платонова нередко будут цитироваться в дальнейшем при обсуждении

¹³⁶ *Историческая переписка*. 31.

¹³⁷ См.: *Фирсов (1)*. 158.

¹³⁸ *Иванцов-Платонов (1)*; *Заозерский (2)*; *Тихомиров П.*

¹³⁹ Иванцов-Платонов Александр Михайлович, протоиерей (1835–1894), окончил МДА (1860); бакалавр СПбДА, затем законоучитель Александровского военного училища в Москве; проф. кафедры церк. истории Моск. университета (с 1872); д-р богословия (1877). Был связан со славянофилами, публиковался в периодических изданиях И. С. Аксакова. Автор многочисленных статей на церковно-исторические темы. По материалам *Иванцов-Платонов (2)*.

¹⁴⁰ *Каннингем*. 68; *Фирсов (1)*. 127; *Фирсов (2)*. 205–206.

¹⁴¹ Так, Каннингем упоминает о дискуссиях в Религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг., о публикации статьи профессора А. С. Павлова в «Богословском вестнике» в 1902 г. (публикации посмертной: А. С. Павлов скончался в 1898 г.), о статье Н. А. Заозерского также в «Богословском вестнике» в 1902 и 1903 гг., и, наконец, о статье Л. А. Тихомирова в конце 1902 г. (*Каннингем (1)*. 68–72). Фирсов упоминает об открытом письме некоего Иеронима Преображенского в журнале «Вера и разум» за 1901 г., об уже указанных статьях Н. А. Заозерского и Л. А. Тихомирова, и, наконец, о статье П. В. Тихомирова в Богословском вестнике за 1904 г. (*Фирсов (1)*. 127–141). Мы не смогли установить прямую связь между этими статьями и упомянутой публикацией прот. Иванцова-Платонова.

реформ: меньше – в публицистических статьях и работах¹⁴², но многократно – в отзывах архиереев¹⁴³.

По замечанию издателя, статьи протоиерея Иванцова-Платонова могут рассматриваться как «полная и обстоятельная программа к восстановлению у нас правильного течения и самостоятельного развития церковной жизни»¹⁴⁴. Действительно, здесь излагаются предложения конкретных преобразований, касающихся церковного управления – по большей части епархиального, которое мы и рассмотрим, но также окружного (митрополичьего) и высшего.

В основе проекта Иванцова-Платонова лежат несколько принципиальных воззрений на то, каким должно быть епархиальное управление. Центральное его утверждение состояло в том, что епископская власть

тогда только получит у нас свое настоящее значение, когда станет в близкое и живое отношение не только со всеми низшими подчиненными органами епархиальной администрации, но и со всей паствой¹⁴⁵,

так чтобы эта власть «могла быть живым и деятельным органом церковной жизни»¹⁴⁶. Именно это живое общение различных составляющих епархии является определяющим в понимании автором соборности. В отсутствии такого общения автор видит основную проблему современного ему епархиального управления. Естественно, в силу такой постановки вопроса, пастырская деятельность архиерея ставится автором на наиболее важное место¹⁴⁷. Однако Иванцов-Платонов не отвергает того, что архиерей есть не только пастырь, но и правитель: «Архиерейская власть, по учению, установившемуся в православной Церкви восточной, есть центральный орган церковного управления», – по отношению к которому все другие органы епархиальной власти являются лишь уполномоченными. Автор не принимает идею «проведения в нашем епархиальном управлении каких-нибудь конституционных или демократических начал»¹⁴⁸.

Какие основные препятствия к осуществлению предложенных им начал видит протоиерей А. М. Иванцов-Платонов в современном ему епархиальном управлении? Прежде всего, эти препятствия состоят в назначении архиереев свыше и практике их частых перемещений. Вследствие первого, епископ при своем восхождении на кафедру – человек совершенно чужой для епархии, а частые перемещения приводят к тому, что он не успевает узнать не только свою паству, но даже своих помощников¹⁴⁹. Затем Иванцов-Платонов указывает на проблему чрезмерной централизации дел в епархии (по УДК, в порядке делопроизводства, к архиерею возводится на рассмотрение все – вплоть до мелочей¹⁵⁰), которая, в сочетании с огромными

¹⁴² См.: Кузнецов (2). 13; Преображенский. 96–108 (Демчинский Н. А. Дневник публициста// Русь. 1905. 26 марта); О русском церковном управлении.

¹⁴³ См. отзывы преосвященных Симбирского Гурия (ОЕА. I. 604–606), Холмского Евлогия (ОЕА. II. 76), Владимирского Никона (ОЕА. I. 267), Костромского Тихона (ОЕА. II. 147–149). При этом преосвященные Гурий (ср.: Иванцов-Платонов (1). 57–59) и Тихон (ср.: Иванцов-Платонов (1). 50, 57–58) цитируют прот. Иванцова-Платонова целыми абзацами, не ставя кавычек и не давая ссылки на источник. Сравнивая отзыв преосв. Астраханского Георгия (ОЕА. I. 353–355) с работой прот. Иванцова-Платонова (Иванцов-Платонов (1). 35–37, 40–41) мы также видим определенное сходство, хотя у преосв. Георгия скорее парафраз, чем цитирование, впрочем, также без ссылки на источник. То же самое можно сказать об отзыве преосв. Оренбургского Иоакима (см. ОЕА. I. 752–753; ср.: Иванцов-Платонов (1). 4).

¹⁴⁴ Иванцов-Платонов (1). III.

¹⁴⁵ Иванцов-Платонов (1). 61. Выделение наше.

¹⁴⁶ Иванцов-Платонов (1). 22. Выделение наше.

¹⁴⁷ Иванцов-Платонов (1). 24, 33, 62–64.

¹⁴⁸ Иванцов-Платонов (1). 22.

¹⁴⁹ Иванцов-Платонов (1). 23.

¹⁵⁰ Автор приводит примеры таких дел, приходящих на подпись архиерея в порядке консисторского делопроизводства: любое пожертвование на храм, какой-либо спор между дьячками, в некоторых епархиях – даже небольшое изменение времени звона в большой колокол на праздник. – Иванцов-Платонов (1). IЪ–IA.

размерами епархий, приводит к чрезмерной административной занятости архиерея. Та же централизация всех дел, но уже в консистории (неизбежный этап перед подписью архиерея), сочетается с «непомерным развитием бюрократизма», что приводит к «чрезмерному усилению чиновничества и приказничества», в частности, чрезмерному усилению статуса секретаря консистории. Автор подчеркивает, что в силу сложности церковного делопроизводства чиновники консистории имеют огромное фактическое влияние и даже власть – как над членами присутствия, так даже и над архиереем. Действительно, чиновники могут запутать их в статьях закона и устава, в многочисленных бумагах и резолюциях и «подвести под ответственность»¹⁵¹. Рядом с этим развивается проблема запутанности и размытости границ между кругами ведения различных епархиальных инстанций и органов, вследствие чего одно и то же дело может быть решено и иногда перерешается несколькими инстанциями¹⁵². Это сочетание – преобладание бумажного делопроизводства, усиление чиновничества, запутанность инстанций – приводит к проволочке дел и мздоимству¹⁵³.

Проект преобразования епархиального управления, разработанный протоиереем А. М. Иванцовым-Платоновым, вписывался в рамки проектировавшихся им архиепископских округов. Автор предполагал децентрализацию высшего церковного управления путем распределения епархий Русской Церкви на семь округов, каждый из которых возглавлялся бы архиепископом. В рамках каждого округа решались бы вопросы местного значения, архиепископ же имел бы общее наблюдение и руководство над епископами своего округа. Иванцов-Платонов был против дробления епархий на более мелкие (по уездам – то есть до тысячи епархий¹⁵⁴), поскольку, считал он, в таком случае трудно будет сохранить какую-нибудь церковную централизацию в такой обширной стране как Россия. А централизация церковная, конечно в надлежащих пределах – без крайностей, все-таки необходима для правильного развития церковной жизни¹⁵⁵.

В рамках округа предлагалось совершать и *избрание епископов*. Определяя епископа как высшего пастыря общества, высшего начальника духовенства и проводника общецерковных решений, протоиерей Александр заключал о необходимости участия трех «избирательных агентов» при выборе епископа: высшей церковной власти, представляемой архиепископом округа, духовенства епархии и паствы. Кандидаты могли выставляться каждым «избирательным агентом», причем желательно было бы найти единодушное решение. Избранный представлялся на утверждение высшей церковной власти (Синода), которая могла дать отвод, равно, впрочем, как и каждый из епархиальных «избирательных агентов» (если избрание было совершенно двумя голосами против одного). Вмешательство государства принималось лишь в качестве протеста, допускаемого, поскольку управление епархией имеет «соприкосновение с гражданскими интересами страны»¹⁵⁶. Автор высказывал пожелание, чтобы как избрание, так и посвящение совершались в кафедральном городе, дабы «аксиос» имел «не формально-церемониальное, а живое нравственное значение»¹⁵⁷. Это соответствовало бы реалиям жизни, считал автор, поскольку народ знает выдающихся проповедников и пастырей, даже служащих на отдаленных приходах¹⁵⁸. С той же целью сближения паствы и епископа, установления

¹⁵¹ Иванцов-Платонов (1). 28–29, 30.

¹⁵² Иванцов-Платонов (1). 26–27.

¹⁵³ Иванцов-Платонов (1). 31.

¹⁵⁴ На 1899 г. в административном отношении Россия делилась на 78 губерний и 19 областей, каждая из которых делилась на уезды или округа. Всего уездов и округов было 815 (Россия (1). 212). Таким образом, в среднем можно насчитывать по 8–9 уездов или округов в каждой губернии или области.

¹⁵⁵ Иванцов-Платонов (1). 39.

¹⁵⁶ Иванцов-Платонов (1). 3.

¹⁵⁷ Иванцов-Платонов (1). 4.

¹⁵⁸ Признавая желательность сохранения практики избрания епископов из монахов (для соблюдения духа аскетизма епископа и уважения к освященной древностью практике), Иванцов-Платонов считал, однако, возможным избрание епископа из вдовых священников или celibатов. В последнем случае, пострижение в монашество накануне хиротонии рассматривалось

длительных отношений, Иванцов-Платонов указывал на необходимость упразднить практику перемещений с кафедры на кафедру (а для этого, в частности, уравнивать доходы кафедр)¹⁵⁹. В том, что касается *реформы системы управления*, Иванцов-Платонов предполагал, в общих чертах: освобождение архиерея и центральных органов епархиальной власти от мелочных дел (децентрализация); ясное распределение дел между различными инстанциями; сокращение канцелярской переписки и упразднение ее в простейших делах; постановка светских чиновников в такие пределы, «чтобы они были действительно подчинены (и в определении на должность, и в отправлении должностей) собственно духовному элементу епархиальной администрации»¹⁶⁰.

Мы помним, что едва ли не наиболее важным принципом протоиерей А. М. Иванцов-Платонов считал живое, непосредственное участие епископа в работе различных епархиальных органов и общение с их членами (членами присутствия, благочинными, чиновниками других епархиальных учреждений). Конкретно же *реформа органов епархиального управления* предполагалась Иванцовым-Платоновым следующим образом. Прежде всего, из правительствующего присутствия консистория должна была стать «совещательным и вспомогательным учреждением», имеющим задачей подготовку справок, докладов, мнений для решения дел архиереем (круг таких дел сводился бы к наиболее важным вопросам¹⁶¹). При этом архиерей решал бы все дела полновластно, однако, при сохранении полной свободы мнений членов консистории, с возможностью занесения их в протокол. Возможность своевластного произвола епархиального архиерея ограничивалась ежегодной проверкой отчетов консистории архи-епископом, который предположительно должен был бы обращать внимание на участвовавшие или сильные разногласия членов с епископом. Наконец, в порядке осуществления основного принципа Иванцова-Платонова предполагалось присутствие епископа в консистории 2–3 раза в неделю¹⁶². Несмотря на то, что отец Александр был против дробления существующих епархий на уездные епархии, уезд¹⁶³ он рассматривал в качестве наиболее мелкой административной единицы епархии, которой следовало заменить благочиние. Настоятелем собора уездного города предлагалось назначать наместника архиерея, лично от него зависящего и им назначенного, в сане протоиерея. Именно он ведал бы всей административной деятельностью местного значения, которая переходила к нему из ведения консистории: прием и проверка всех приходских книг; выдача по ним справок (метрик); наблюдение за состоянием и ремонтом церквей; разрешение местных расходов; наблюдение за поведением и разбор мелких жалоб и распрей; наблюдение за местными учебными и благотворительными заведениями; утверждение старост и проч. Для принятия отдельных административных решений и предоставления отчетов настоятелей предполагалось, чтобы уездный протоиерей собирал представителей священников уезда (по 1–2 от благочиния) на собрания, имеющие не совещательное, а административно-правительственное значение. В том же порядке вещей, для изложения разного рода отчетностей, предполагалось ежегодное собрание всех уездных протоиереев у епархиаль-

им как противоречащее духу и монашества, и епископства, и, кроме того, канонам: Двукр. 2, Св. Соф. 2. – *Иванцов-Платонов (1)*. 5.

¹⁵⁹ Об избрании и перемещении епископов: *Иванцов-Платонов (1)*. 1–12.

¹⁶⁰ *Иванцов-Платонов (1)*. 33–34.

¹⁶¹ Например – замещение церковных должностей, открытие приходов и построение церквей, заведывание епархиальным имуществом, монастырями и благотворительными учреждениями, сношение с высшим церковным и гражданским управлением, дела о расторжении браков и проч. Более же мелкие дела предполагалось передавать в низшие инстанции.

¹⁶² О реформе консистории: *Иванцов-Платонов (1)*. 35–36.

¹⁶³ Как мы упоминали, в среднем в каждой губернии было по 8–9 уездов. Границы же епархий, по большей части, совпадали с границами губерний. Поскольку, как мы видели в предыдущем параграфе, каждая епархия разделялась, в среднем, на 689 приходов, то на каждый уезд приходилось в среднем по 75–85 приходов, то есть от 3 до 9 благочиний. Но, подчеркнем, это конечно лишь среднестатистический расчет. Если взять, например, Московскую губернию, то она разделялась на 13 уездов (*Московская губерния*. 953), т. е., в среднем, по 120 приходов на уезд.

ного архиерея¹⁶⁴. Следует отметить, что уездные протоиереи имели административное значение и раньше. До 1869 года они возглавляли духовные правления, через которые действовала духовная консистория в уездах¹⁶⁵. Упразднение духовных правлений началось с 1840 года, в соответствии с высочайше утвержденным докладом обер-прокурора Н. А. Протасова, и законодательно было закреплено в 1869 году¹⁶⁶.

Наконец, в проекте Иванцова-Платонова наиболее мелкой единицей правления, однако, не имеющей административного значения, предполагалось быть благочинию. Благочинный терял значение следователя, судьи (за исключением, может быть, мирового, устного суда) и администратора, оставаясь лишь нравственным руководителем подведомственного духовенства. Благочиннические собрания духовенства, как и ежегодные собрания благочинных у архиерея, предполагались устные, без протоколов и формальных решений, в первом случае имеющие «братско-совещательный характер», во втором – «простой, искренний, душевный характер» беседы архипастыря с пастырями¹⁶⁷.

Наконец, следует сказать о предполагавшейся протоиереем А. М. Иванцовым-Платоновым реформе епархиальных съездов. Указав на элементы соборности в древней Руси¹⁶⁸, автор описывал жизненность уже имевшихся епархиальных съездов и их эффективность в решении поставленных перед ними задач, о которых было сказано в предыдущей главе. Он считал необходимым расширить круг деятельности съездов, включив в их состав мирян при решении вопросов, выходящих за рамки узко сословных дел духовенства.

Значение съездов, по мнению Иванцова-Платонова, должно быть совещательное при архиерее, который непременно на них присутствует. Цель съезда – «дать возможность архиерею ближе ознакомиться с мнениями и потребностями паствы и помогать ему советами лучших людей в управлении паствой». Решения же по итогам съезда принимаются лишь с утверждения архиерея, ибо

никакое постановление какого бы то ни было епархиального собрания, никакое мнение большинства не может освободить его от ответственности за какую-нибудь принимаемую по епархии меру, если этой меры не одобряет его собственная мысль и совесть¹⁶⁹.

Таким образом, в проекте протоиерея Иванцова-Платонова принципиально новым является, помимо форм избрания архиерея, четкое разделение административных инстанций (уезды) и пастырских (благочиния) с попыткой децентрализации административных дел и стремлением поставить консисторию в положение совета духовенства при архиерее, устранив при этом гегемонию чиновничества и бюрократизма. Существенной новизной является предполагаемая постановка епархиальных съездов. Ставя во главу угла епархиального управления принцип живого общения между архиереем и подчиненными, между архипастырем и паствой, протоиерей Александр Иванцов-Платонов стремился выстроить модель управления, в рамках которой было бы обеспечено сочетание архиерейского полновластия и свободной совещательности подчиненных архиерею органов и паствы (клира и мирян)¹⁷⁰.

¹⁶⁴ Иванцов-Платонов (1). 37–41, 56, 61–62.

¹⁶⁵ Управление в уездах. 1–2.

¹⁶⁶ Управление в уездах. 35–36.

¹⁶⁷ Иванцов-Платонов (1). АА-А6, 55–56, 61–62.

¹⁶⁸ Речь идет о практике решения церковных дел на Руси соборами или собраниями – от уровня прихода до уровня всецерковного.

¹⁶⁹ Иванцов-Платонов (1). 57.

¹⁷⁰ Иванцов-Платонов (1). 36, 57.

* * *

Статьи профессоров Московской духовной академии Н. А. Заозерского¹⁷¹ и П. В. Тихомирова выдержаны в несколько ином ключе. Первая является ответом на статью известного публициста Л. А. Тихомирова «Запросы жизни и наше церковное управление», опубликованную в 1902 году в «Московских ведомостях» и вышедшую затем отдельным изданием¹⁷². Статья Тихомирова не касается вопроса о епархиальном управлении, поскольку обращена к реформе высшего церковного управления. Автор полагал, что необходимо восстановить в Церкви соборность, которой противостоят коллегиальность синодального строя и полномочия обер-прокурора. Резюмируя вместе с Заозерским точку зрения Л. А. Тихомирова, можно ее выразить так: власть в Церкви поставлена слабо (недостаточная осведомленность и недостаточность средств воздействия), от этого в Церкви все проблемы, для устранения которых необходимо усилить ее власть через увеличение власти первоприсутствующего и умаление власти обер-прокурора. Полемизируя с этой точкой зрения, Заозерский высказывал мнение, что «*формально* власть Святейшего Синода и власть епархиального начальства у нас поставлены очень *сильно*; но они не в должной степени сильны *нравственным* своим влиянием на жизнь». Причина же этого, прежде всего, «в исключительно канцелярском, замкнутом ведении всего церковного управления», в силу которого меры церковной власти воспринимаются как канцелярский указ. Вторая причина, по мнению Заозерского, это разобщение живых сил общества: иерархов, у которых сила авторитета, подвижников из любого сословия, обладающих силой горящей веры, и, наконец, силы богословского знания и силы интеллигенции¹⁷³. В частности, епархиальный строй, по мнению Заозерского, являет собой «систему правительственных учреждений и чиновников, действующих замкнуто в своем районе и связанных между собой внешней официальной субординацией», что приводит к разобщению членов Церкви вместо их общения и сплочения «в единый крепкий духовный организм». Архиерей и духовная консистория имеют дело не с живыми личностями, но с бумагами и характеристиками, часто фантастическими или даже скабрёзными¹⁷⁴. Выход из положения Заозерский видел в «призывании к жизни полусонных, апатично живущих сил Церкви», прежде всего – через возрождение прихода, затем – посредством связи между приходами в «обширнейшее общество – епархиальное с центральным пунктом – епархиальным архиереем». Выражением этого единства служили бы ежегодные епархиальные собрания по образцу Поместного Собора¹⁷⁵. Поместный же Собор определялся выше Заозерским как «собрание всех *лучших сил* Церкви»¹⁷⁶ – имеются в виду представители различных составляющих Церкви, как себе их представлял автор: иерархи, подвижники, ученые богословы, интеллигенция. Касательно прав епископа в епархиальном управлении автор не распространяется, однако следует привести здесь его мнение о месте епископов в составе Поместного Собора: они –

¹⁷¹ Заозерский Николай Александрович (1851–1919), окончил Ярославскую дух. семинарию (1872) и МДА (1876); преподаватель Костромской дух. семинарии (1876–1878); магистр (1878); доцент МДА по кафедре церковного права (1878–1895); доктор (1894); профессор МДА (с 1895 г.); член Предсоборного присутствия (1906); редактор журнала МДА «Богословский вестник» (1909–1912). Автор многочисленных исследований и статей в области церковного права. По материалам: *Заозерский и Богословский вестник*.

¹⁷² Тихомиров Л.

¹⁷³ Заозерский (2), [А]. 372. Выделения автора.

¹⁷⁴ Заозерский (2), [С]. 375.

¹⁷⁵ Заозерский (2), [С]. 378.

¹⁷⁶ Заозерский (2), [А]. 692. Выделение автора.

наблюдатели и судьи соборных совещаний и рассуждений, они должны стараться всемерно утилизировать выступающие на соборе силы, чтобы потом высказать свое авторитетное, решающее мнение¹⁷⁷.

Что же касается статьи П. В. Тихомирова, то ее основная цель – указать на неправомерность данного Феофаном Прокоповичем обоснования Духовного Регламента, то есть, собственно, доказать неканоничность петровской церковной реформы. Мы остановимся на положительном учении о церковном устройстве, которое хочет провести автор. Он пытается дать юридическую характеристику апостольской системе церковного управления по аналогии с одной из известных государственных систем (демократия или самоуправление, аристократия, монархия) и приходит к выводу, что это управление приближается к демократии. При этом автор различает два вида демократии: чистая (собрание всех полноправных лиц) и представительная (избрание гражданами представителей, «которым и передается пользование правами, принадлежащими всему народу»). В апостольское время, считает Тихомиров, церковное управление было «нечто аналогичное чистой демократии», но и тогда уже имелись «зачатки представительного управления» (автор ссылается на Деян 15, 6–7; 20, 17 ел.; 1 Петр 5, 3). «Итак, – заключает автор – церковное управление должно быть самоуправлением церкви, – в строгом смысле этого слова или через представительство»¹⁷⁸.

Указав затем, что Архиерейский Собор и Синод могут и должны быть органами такого управления (в рамках высшего церковного управления), П. В. Тихомиров подчеркивал, что это невозможно в современной ему ситуации, когда «члены Святейшего Синода вовсе не суть представители от епархий»¹⁷⁹, но лица, назначенные императором, то есть чиновничество. По мнению автора,

идея соборности тождественна идее самоуправления. Где нет последнего, там нети соборности. Соборность состоит не в том, что во главе правления стоит не одно лицо, а несколько; *она состоит в том, что действия правительств выражают желание всех управляемых*¹⁸⁰.

* * *

Таким образом, в приложении к записке митрополита Антония давалась ссылка на три работы, пафос которых достаточно сильно отличается друг от друга. Работа протоиерея А. М. Иванцова-Платонова, наиболее выдержанная с точки зрения завершенности проекта, является и наиболее уравновешенной как в отношении критики существующего строя, так и в отношении предполагаемых реформ. Пафос этой работы – сближение епископа с его подчиненными и паствой, их живое общение. Именно в этом аспекте и развивается мысль о более широком участии духовенства и паствы в управлении епархией или «соборности». Дж. Каннингем определяет понимание соборности у Иванцова-Платонова как «свободное общение верхов и низов»¹⁸¹. При этом власть епископа остается не затронутой каким-либо ограничением «снизу». В критике современного ему епархиального строя протоиерей Александр Иванцов-Платонов в основном указывал на факторы, мешающие упомянутой «свободе общения», в частности, – на бюрократическую и чиновничью систему управления.

¹⁷⁷ Заозерский (2), [А]. 714.

¹⁷⁸ Тихомиров П. [В]. 219–221.

¹⁷⁹ Тихомиров П. [В]. 223.

¹⁸⁰ Тихомиров П. [В]. 225. Выделение наше.

¹⁸¹ Каннингем. 68.

Н. А. Заозерский заострял внимание на последнем факторе, однако в несколько ином ракурсе. По его мнению, церковное управление, в том числе и епархиальное, фактически можно отождествить с каким-либо из государственных учреждений, в силу чего его распоряжения не воспринимаются паствой как голос Церкви, но как голос ведомства. Именно в этом – в отсутствии нравственного влияния Церкви, в том числе и на уровне епархиальном, Н. А. Заозерский видел основной недостаток современной ему церковной жизни. Решение этой проблемы дается более размытое, чем у протоиерея Иванцова-Платонова, и, так сказать, более глобальное. Если у Иванцова-Платонова речь идет о восстановлении личного общения между пастырями и паствой, то у Заозерского, скорее, развивается мысль о некоем объединяющем общественном движении на каждом уровне церковного устройства. Это движение («соборность» как общественное собрание) возглавляется архиереем, правительственные права которого остаются неизменными. Наконец, наиболее радикальной является точка зрения П. В. Тихомирова, который определял соборность как представительство, правление через лиц, уполномоченных от совокупности церковного народа. Тихомиров рассматривал вопрос с точки зрения высшего управления. Здесь представителями епархий должны быть епархиальные архиереи. Однако в синодальной системе они таковыми не являются, поскольку не были избраны паствой. Собственно епархиального управления Тихомиров не касался, если не считать указанного определения архиереев, как представителей паствы в высшем церковном управлении.

Глава 3

Начало предсоборного периода и дискуссий

Мы не будем подробно освещать историческую канву и хронологию записок, инициировавших реформу предсоборных работ и дискуссий, поскольку этот вопрос исчерпывающе рассмотрен в работе С. Л. Фирсова, вышедшей ранее в данной серии, посвященной Всероссийскому церковному собору 1917–1918 годов¹⁸². Напомним, что вопрос о положении Православной Церкви поднимается в начале 1905 года в Особом совещании министров и председателей департаментов Государственного совета под председательством председателя Комитета министров СЮ. Витте при обсуждении вопроса о введении веротерпимости. В связи с этой проблематикой Витте, по-видимому, предложил первоприсутствующему члену Святейшего Синода митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому) составить перечень вопросов, требующих скорейшего обсуждения. Таким образом, в конце февраля – начале марта 1905 года появляется записка митрополита Антония «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви». Приблизительно в это же время Витте готовит и свою записку «О современном положении Православной Церкви»¹⁸³. Несколько позднее К. П. Победоносцев сообщает в Комитет министров свои «Соображения по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви» (записка Победоносцева), которые являются полемическим ответом митрополиту Антонию и Витте. В дальнейшем Витте ответит Победоносцеву еще одной запиской «По поводу «Соображений статс-секретаря Победоносцева по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви»», которую мы рассматривать не будем, поскольку она не затрагивает проблему епархиального управления¹⁸⁴. Вопрос об авторстве записок митрополита Антония и Витте был решен в исследовании священника Георгия Ореханова. Основываясь на свидетельстве дневника епископа Арсения (Стадницкого), отец Георгий показывает, что записка была отредактирована митрополитом Антонием на основе вопросов, подготовленных епископом Сергием (Страгородским), на то время ректором Санкт-Петербургской духовной академии, и иеромонахом Михаилом (Семеновым)¹⁸⁵. Относительно авторства записки Витте мнения расходятся¹⁸⁶. Наиболее обоснованное также приводится Ореха-

¹⁸² Фирсов (1). См. также работу о. Георгия Ореханова, посвященную реформе высшего церковного управления (*Ореханов*).

¹⁸³ Хронология составления этих записок рассмотрена в указанных исследованиях Фирсова и Ореханова. Датировка записок митр. Антония и Витте февралем 1905 г. подтверждается публикатором (*Историческая переписка*. 25, 31). С учетом этой публикации и общей аргументации Фирсова и Ореханова, можно сказать о несостоятельности мнений В. А. Федорова, который относит записку митр. Антония к декабрю 1904 г., приписывая ее составление самостоятельному почину митрополита (*Федоров*. 249), и И. К. Смолича, который почему-то датирует записку Витте 10 марта 1905 г. (*Смолич* (2). 695). Источники по этим запискам: *Историческая переписка* (здесь записка митр. Антония перепечатана в более полном виде, поскольку приведена с приложенной к ней библиографией) и *Кузнецов* (2) (в подстрочных примечаниях). Записки Витте и митр. Антония также опубликованы в *Преображенский*. 122–136 [перепечатка из «Слова», 1905, 28 марта], а в новейшее время в *Федоров*. 387–402. Однако последнее издание следует признать некачественным, поскольку, к примеру, в публикации записки Витте выпущен целый параграф (третий – «Соборное начало, как отличительная особенность древнего православия»).

¹⁸⁴ *Кузнецов* (2). 39; ср.: *Фирсов* (1). 161–162.

¹⁸⁵ *Ореханов*. 40. Михаил (Семенов; 1874–1916), на то время иеромонах и доцент, затем профессор Академии, по-видимому, также участвовал в составлении записки «32-х священников», затем состоял членом «Братства ревнителей церковного обновления»; в 1907 г., после отстранения от преподавательской должности и ссылки в Задонский монастырь (в связи с публикацией «статьи в духе христианского социализма»), он перешел в белокриницкое согласие, где в 1908 г. был единолично хиротонисан в епископа, за что подвергся прещению со стороны старообрядцев (прещение было с него снято перед смертью). По материалам: *Ореханов*. 40–43.

¹⁸⁶ Так, Дж. Каннингем утверждает, что записка митрополита Антония была составлена в основном Н. А. Заозерским и П. В. Тихомировым, а затем переработана в записку Витте Н. С. Суворовым и А. С. Павловым (*Каннингем* (1). 96). Последнее является очевидным анахронизмом, поскольку А. С. Павлов скончался еще в 1898 г. Тем не менее, его имя, равно

новым: он ссылается на согласованное свидетельство дневников Витте и епископа Арсения (Стадницкого), согласно которому автор этой записки – Ф. Н. Белявский, служащий министерства финансов, затем переведенный в духовное ведомство. Белявский являлся также сотрудником журнала «Слово» и с сочувствием относился к записке «32-х священников», к которой мы обратимся ниже¹⁸⁷.

* * *

Основная тематика записки митрополита Антония была связана с обсуждаемым в Комитете министров вопросом о веротерпимости и отталкивалась от того факта, что введение веротерпимости даст преимущества старообрядцам и сектантам, не состоящим, в отличие от Православной Церкви, в союзе с государством. В связи с этим, основной пафос данной записки – просьба о даровании Церкви свободы во внутреннем самоуправлении и о созыве с этой целью «особого совещания из представителей церковной иерархии, с участием сведущих лиц и мирян» для решения насущных вопросов, касающихся церковной жизни. В краткой записке лишь сжато затрагиваются проекты конкретных преобразований церковного управления, но эти преобразования предполагаются на всех уровнях церковного управления самим фактом отделения от опеки государства. Помимо этого, исходная точка преобразований видится авторам записки в «децентрализации церковного управления, когда инициатива во многих делах, а равно и окончательное вершение их будут перенесены из центра в области и *епархии*». Эти перемены влекут за собой многие изменения в строе церковного управления, как центрального, так и *епархиального*, и во взаимных отношениях того и другого. <... > С другой стороны и независимо от этого, существует настоятельная и в литературе давно уже признаваемая необходимость пересмотра некоторых сторон церковного управления, <... > [в том числе] *прав и полномочий епархиальных съездов*, участия в них мирян, как представителей приходов¹⁸⁸.

Таким образом, в записке реформа епархиального управления признавалась необходимым условием оживления церковной жизни. Митрополит Антоний, в частности, ссылался на дискуссии в литературе, о которых шла речь в предыдущем параграфе. Анализируя эту записку, священник Георгий Ореханов видит ее основной недостаток в юридизме – представлении, согласно которому

церковные проблемы, часто очень сложные, многогранные, связанные с самыми глубокими вопросами духовной жизни, можно решать чисто внешним, административным, юридическим путем¹⁸⁹.

Признавая определенную справедливость этой критики, следует, однако, учесть, что решение внутренних вопросов церковной жизни не могло относиться к ведению Комитета министров, к которому была обращена настоящая записка. В компетенцию Комитета, в рамках проводимых тогда консультаций о веротерпимости, входили обсуждение и подготовка пересмотра связи церковного управления с государственным, к чему и была направлена записка

как и остальные имена повторяет, добавляя к ним еще имя епископа Сергия, прот. Георгий Митрофанов (*Митрофанов (1)*. 13.). Последний, равно как и В. А. Федоров (*Федоров*. 250; здесь, впрочем, имена не называются), утверждает, что Витте пригласил этих профессоров академий в Особое совещание по церковным вопросам при Комитете министров – факт маловероятный, поскольку в состав совещания входили высшие сановники империи по назначению императора (см. по этому поводу *Историческая переписка*. 3).

¹⁸⁷ Ореханов. 63.

¹⁸⁸ *Историческая переписка*. 30. Выделение наше.

¹⁸⁹ Ореханов. 37–38.

митрополита Антония. Это касается и епархиального строя, который, как мы видели, наравне со строем других уровней церковного управления, во многом может быть охарактеризован как бюрократический, отвечающий государственным юридическим нормам. Если в записке митрополита Антония мы действительно не находим духовно-нравственного пафоса работы протоиерея А. М. Иванцова-Платонова, то, тем не менее, нельзя забывать, что эта работа, впрочем как и других, вводилась запиской митрополита Антония в оборот официальных дискуссий.

Наконец, следует подчеркнуть тот факт, что одним из двух приведенных примеров необходимых преобразований в епархиальном управлении являлась реформа епархиальных съездов, их прав и полномочий, введение в их состав мирян. Возможно именно это замечание привело к тому, что в мартовском всеподданнейшем докладе Синода о созыве Собора при перечислении вопросов, подлежащих рассмотрению на Соборе, вопрос о епархиальных съездах выделен из общего вопроса о епархиальном управлении¹⁹⁰. Впрочем, это выделение съездов в особую статью, возможно обусловлено тем, что на то время съезды не были частью епархиального *управления*, но имели скорее хозяйственный, в лучшем случае – пастырско-совещательный характер. Вместе с тем, при постановке этого вопроса митрополит Антоний включает епархиальные съезды в число «некоторых сторон епархиального управления» и, кроме того, ссылается на «литературу», в которой, как мы видели, предполагалось введение съездов в состав епархиального управления, хотя бы и с совещательным характером.

Краткую записку митрополита Антония трудно сопоставлять с запиской Витте. Первая в основном акцентирует проблему государственной опеки над Церковью, не выявляя развернуто внутренних последствий такого положения для Церкви¹⁹¹. Записка Витте, имея своим основным выводом необходимость созыва Собора, подчеркивает «современный упадок церковной жизни», в том числе, «отчуждение [пастыри] от своих духовных руководителей», «слабость пастырской деятельности духовенства»¹⁹². Причину такого положения Витте видел в отсутствии соборности.

Религиозное начало есть по преимуществу начало общественное; оно развивается и крепнет там, где общественной жизни предоставлена некоторая свобода. Естественно, поэтому, что «соборность» была основным началом церковной жизни и главным принципом церковного управления¹⁹³.

Записка Витте подробно описывает, каким представлялся ее автору древний церковный строй: при епископе состоял собор пресвитеров, в их совещаниях часто участвовала вся община. Затем, при увеличении численности каждой общины и числа общин, зависящих от одного епископа, присутствие всех членов на соборе при епископе было заменено представительством. «Таким публичным, общественно-совещательным было церковное управление апостольских времен и вообще первых веков христианства»¹⁹⁴. По мнению Витте, эта соборность была Петром I подменена коллегиальностью, которая «есть лишь система внутренней бюрократической организации». Этой системе автор записки противопоставлял определение соборности, очевидно взятое им у П. В. Тихомирова: сущность соборности в том, что «каждое из лиц [составляющих правление – и. С.] является представителем целой общины»¹⁹⁵. В частности, «в епархиальном управлении, в замену древнего собора пресвитеров, учреждены так называемые «консистории», представляющие бюрократические коллегии». То есть, указывал

¹⁹⁰ О преобразованиях. 1899.

¹⁹¹ По мнению Ореханова, записку характеризует желание «совместить ликвидацию контроля со стороны государства над деятельностью Церкви при фактическом сохранении существующей системы управления» (Ореханов. 37).

¹⁹² Историческая переписка. 8.

¹⁹³ Историческая переписка. 9.

¹⁹⁴ Историческая переписка. 9.

¹⁹⁵ Историческая переписка. 10.

Витте, ныне уже нет и мысли о представительстве. Более того, если консисторию и считать «собором», то это – «собор безглавый»¹⁹⁶, ибо его глава – епископ – никогда не присутствует в нем, сносясь с ним через канцелярию:

В настоящее время, наше церковное управление носит замкнутый канцелярский характер: иерархия сносится с народом через посредство бумаг, редко входя с ним в непосредственное живое общение¹⁹⁷.

В связи с этим Витте развивал тематику соборности как общественного церковного союза, как выражения «лучших сил» Церкви (пафос Заозерского, которого он и цитировал)¹⁹⁸. Как отмечал еще в 1906 году Н. Д. Кузнецов¹⁹⁹, «записка оказывается сшитой на живую нитку из разных обрывков, фактов, положений и выводов, в известном направлении заимствованных у разных лиц»²⁰⁰. Судя по всему, составитель записки не совсем ориентировался в тех постулатах, которые выставлял, стремясь защитить определенную идею церковной реформы. По мнению священника Георгия Ореханова, хотя записка Витте глубже записки митрополита Антония, однако она дальше от церковной жизни. А именно, пишет отец Георгий, «идея соборности в записке Витте прямо связывается с идеей представительства, более того, утверждается, что в этом ее сущность». По мнению Ореханова, Витте, стремясь сродниться с запросами Церкви, пользуется идеями «либерально-демократического лагеря», не понимая, что такой подход для Церкви неприемлем – он подменяет коллегиальность синодальной системы коллегиальностью парламентского характера. Не комментируя здесь данное мнение, заметим, что пафос Витте в этом случае совпадает с идеями П. В. Тихомирова²⁰¹. Именно этот пафос, наряду со стремлением упразднить (или уменьшить) полномочия обер-прокурорской власти²⁰², является, очевидно, тем «известным направлением», в котором была составлена записка.

Обер-прокурор вскоре ответил на обвинения в сторону той системы, представителем которой он являлся. Основа его записки – возражение на обвинения церковно-государственной системы в том, что она является причиной существующих недостатков в церковной жизни, а также указание на далеко не идеальное состояние Церкви в досинодальный период. Относительно епархиального управления, оправдывая существование консистории, Победоносцев объяснял: это учреждение вызвано крайним усложнением переписки по делам того же церковного управления в соприкосновении их с делами общего гражданского управления, [которая] доходит в иных консисториях до 20 000 исходящих бумаг в год²⁰³.

¹⁹⁶ *Историческая переписка*. 11.

¹⁹⁷ *Историческая переписка*. 13.

¹⁹⁸ *Историческая переписка*. 18. В частности Витте цитирует выражение Заозерского о том, что епархия должна быть преобразована в «обширнейшее общество – епархиальное, с центральным пунктом – епархиальным архиереем» (*Заозерский* (2), [С]. 375).

¹⁹⁹ Кузнецов Николай Дмитриевич (1863–1936), окончил физ. – мат. ф-т Моск. университета, а также СПб Технологический институт (1886), СПбДА (1892) и Ярославский Демидовский юридический лицей со степенью канд. юрид. наук (1896); служил пом. присяжного поверенного, затем присяжным поверенным (с 1901) Моск. судебной палаты; член Предсоборного присутствия (1906); доцент Ярославского Демидовского юридического лицея (1908); магистр КазДА (1908); доцент МДА по кафедре церк. права (1911–1913); в 1917 г. – организатор ряда церковно-обществ. движений среди духовенства и мирян; член Предсоборного совета (1917) и Всероссийского церковного собора (1917–1918); осужден за противодействие вскрытию мощей (1921); преподаватель Московских богословских академических курсов (1922–1924); вызывался в качестве эксперта в связи с подготовкой суда над Патриархом и другими церковными процессами (1923); участвовал в диспутах на религиозно-научные темы (1924–1928). Неоднократно арестовывался. Вероятно, в 1928 получил степень д-ра богословия за работу «Церковь и государство». Скончался в ссылке. По материалам: *Обзор деяний* (1). 315 и *Голубцов*. 218–266.

²⁰⁰ *Кузнецов* (2). 26.

²⁰¹ *Ореханов*. 55–57.

²⁰² См.: *Фирсов* (1). 152. Можно сравнить с замечанием Ореханова, полагающего, что обсуждение реформ в начале 1905 г. «невозможно рассматривать вне проблемы противостояния СЮ. Витте и К. П. Победоносцева» (*Ореханов*. 33).

²⁰³ Здесь и далее все цитаты записки: *Историческая переписка*. 39.

Победоносцев признает, что консистория имеет все недостатки присутственного места, но – как без нее обойтись? Ведь бумага необходима, ибо «физические условия жизни затрудняют непосредственное общение иерархии с народом». При этом Победоносцев несколько противоречит себе, утверждая затем, что епископ может «в бумаге не забывать человека и иметь по мере возможности живое общение с паствой». Наконец, снимая всякие нарекания с секретаря консистории указанием, что он лишь «занимает служебное положение при епископе», Победоносцев и здесь перекладывает вину на плечи архиерея. По мнению обер-прокурора,

от епископа во многом зависит вдохнуть жизнь своим личным отношением и участием в собрании пресвитеров, состоящих членами консистории и приходящих туда обычно лишь для подписания протоколов, которые затем представляются епископу.

Примечательно, что здесь Победоносцев, едва ли не наиболее подчеркнуто из всех трех составителей записок, говорит о необходимости живого общения, «живой жизни» епархиального управления. Но, в отличие от протоиерея А. М. Иванцова-Платонова, он не хочет увязывать это с борьбой против бюрократической формы правления, полученной от государства. «При чем же тут стеснение от государственной власти?» – вопрошает он. Конечно, в синодальный период бюрократический строй Церкви, связывающий архиерея во многом, неизбежно вытекал из связи Церкви с государством, предполагающей фактически включение системы церковного управления в систему государственного аппарата. Однако в определенном смысле замечание Победоносцева справедливо. Упразднение государственной опеки, равно как и создание соборности в виде «представительства», вовсе не предполагало неременного упразднения бюрократии в Церкви.

Итак, официальные дискуссии о реформах в Церкви, в том числе и в епархиальном управлении, начались с трех рассмотренных нами текстов. По мнению Ореханова, в записках Витте и Победоносцева были обозначены позиции и аргументы, которые потом будут воспроизводиться во всех статьях и книгах, посвященных реформе²⁰⁴. Следует, однако, заметить, что до 1906 года записка Победоносцева не была опубликована²⁰⁵, поэтому нельзя говорить о прямых причинно-следственных связях между этой запиской и последовавшими публицистическими дискуссиями. Двумя первыми, «реформаторскими» записками поднимается вопрос о формах самоуправления Церкви, то есть правления, независимого от государства, в том числе и на епархиальном уровне. В записке митрополита Антония последний вопрос, впрочем, не оговаривается, говорится лишь о децентрализации управления, изменении отношений центра и епархий и необходимости реформирования некоторых сторон епархиального управления, в том числе епархиальных съездов. Записка Витте указывает на необходимость введения, в том числе и на епархиальном уровне, соборности, понимаемой им в смысле представительства паствы и мирян. Витте также указывает на проблему бюрократичности церковного управления. В частности, он считал консисторию подлежащей упразднению при восстановлении соборности-представительства. Однако Витте не дает указаний на то, как эта замена позволит устранить бюрократичность и при этом сохранить стабильность управления в епархии. И нельзя сказать, что Победоносцев полностью неправ, указывая на необходимость существования консистории. Ведь элемент формальности в любом случае присущ управлению, причем указанная им проблема («физические условия жизни») – реальна (размер епархий). Но, конечно, здесь Победоносцев уходит от факта чрезвычайной формализации канцелярских

²⁰⁴ Ореханов. 65.

²⁰⁵ Первая публикация – Кузнецов (2). 39–46.

отношений и широко применявшейся им самим практики перемещений епископов, препятствовавшей развитию того личного отношения, к которому он призывает.

* * *

Обер-прокурор К. П. Победоносцев добился 13 марта 1905 года резолюции императора об изъятии вопроса о «желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви» из Совещания при Комитете министров и передаче его на рассмотрение Святейшего Синода²⁰⁶. На заседаниях 15, 18 и 22 марта Синод подготовил доклад императору о созыве Собора, в котором среди предметов к обсуждению на предполагаемом Соборе указывалось на вопросы «о пересмотре законоположений о существующих органах епархиального управления и суда и преобразовании оных согласно с каноническими соборными началами» и, отдельно, «об епархиальных съездах духовенства»²⁰⁷. Несмотря на то, что Собор тогда создан не был, спустя несколько месяцев, 28 июня 1905 года, К. П. Победоносцев обратился к Синоду с предложением, в котором указывал «на необходимость ныне же, заблаговременно, приступить к подготовительным трудам», поскольку предполагаемая реформа «возбуждает множество самых разных вопросов, требующих предварительной обширной разработки»²⁰⁸. В предложении обер-прокурора достаточно подробно развивается каждый из вопросов, поставленных Синодом. В том, что касается епархиального управления, Победоносцев, указав, что «в настоящее время органом епархиального управления служит духовная консистория, представляющая административно-судебное учреждение», упоминал о работах, предпринятых в 1860-х годах по выделению из нее суда. Обер-прокурор признавал ряд недостатков консисторий:

Как учреждения административные, консистории с их присутствиями из членов, постоянно отвлекаемых от епархиальных дел исполнением своих прямых священнослужительских обязанностей, и канцелярией из недостаточного числа скудно обеспеченных и большей частью мало подготовленных к службе чиновников, при соблюдении устаревших форм делопроизводства, обременены формальным письменным производством.

Упомянув о множестве возникших в епархиях учреждений, обер-прокурор замечал:

Все эти учреждения объединяются в лице епархиального епископа. Но, при разнообразии и обособленности сих учреждений, одному епископу без посредствующего органа, соображающего всю совокупность дел и интересов епархиальных учреждений, крайне затруднительно направлять их к правильному и согласному действию. *Таким образом, возникает вопрос, требующий предварительной разработки, об организации такого действительного епархиального органа епископской власти, который объединил бы в своем ведении всю область епархиального управления*²⁰⁹.

Обзор темы об епархиальном управлении завершился упоминанием о том, что ни о каком дополнительном финансировании со стороны государства не может быть и речи. Затем в ряду вопросов, предложенных Синодом, Победоносцев касался епархиальных съездов:

²⁰⁶ Яцкевич. 138.

²⁰⁷ О преобразовании. 1899.

²⁰⁸ О преобразовании. 1900.

²⁰⁹ О преобразовании. 1901. Выделение наше.

Настойт действительная надобность в установлении, на основании опыта, определенных границ для их деятельности и указания им надлежащего места и значения в ряду епархиальных учреждений.

Упомянув о зарождении съездов на основании семинарского устава 1867 года и с похвалой отзываясь об их трудах по созданию различных учреждений для удовлетворения нужд не только в учебной части, но и миссионерской и благотворительной, обер-прокурор замечал:

Но, вместе с тем, нельзя не указать на то, что по многим епархиям съезды, вовлеченные в сферу обще-епархиальных нужд, присвоили себе право полномочных хозяев, дозволяющих себе не только устанавливать разные обязательные сборы и облагать ими церковные доходы, но даже распоряжаться эксплуатацией церковных оброчных статей.

Наконец, Победоносцев указывал на то, что епархиальные преосвященные пользовались съездами как средством общения со священнослужителями: с одной стороны, для архипастырского воздействия, а с другой, – для ознакомления с жизнью приходов, которая архиереям не всегда хорошо известна.

Важность такого живого и взаимного обмена епископа с пастырями вообще для церковного управления в епархиях несомненна. *Ввиду этого возникает вопрос о том, не следует ли присвоить епархиальным съездам значение вспомогательного при епископе органа не только по вопросам о материальных, но и о религиозно-нравственных нуждах*²¹⁰.

Примечательно в предложении обер-прокурора прежде всего то, что он признавал недостатки консистории, в частности, обремененность письменным производством, однако не ставил под сомнение сам консисторский строй и, наоборот, предполагал его усилить, объединив в одном органе (той же консистории? – а как иначе, если не предвидеть дополнительного финансирования?) все стороны епархиального управления. Более того, не на необходимость ли усиления чиновничьего элемента в консистории намекал К. П. Победоносцев, когда подчеркивал, что члены присутствия «отвлечены» своими священнослужительскими обязанностями? При этом если в синодальном предложении вопрос о епархиальном управлении связывался с «каноническими соборными началами» (хотя не уточнялось, что здесь имеется в виду), то в предложении обер-прокурора этот мотив уже не звучал.

Затем следует подчеркнуть, что вслед за запиской митрополита Антония в синодальном докладе, равно как и в предложении обер-прокурора, вопрос о епархиальных съездах выделялся особо. Здесь он, в отличие от записки митрополита Антония, подчеркнуто не связывался с проблематикой реформы епархиального *управления*. На это указывает само перечисление вопросов в синодальном докладе: после вопроса о епархиальном управлении перечисляются вопросы о приходе, о духовной школе, о приобретении Церковью собственности, и лишь затем – о съездах: тема съездов оказывается ближе к школьной и хозяйственной, чем к управленческой²¹¹. В предложении обер-прокурора расширение полномочий съездов распространяется на пастырские вопросы, что фактически определяет съезды как совещательный орган при архиерее. Мы увидим в следующей части, что такая постановка вопроса нашла определенное отображение как в архиерейских отзывах, ставших ответом на предложение обер-прокурора, так и в организации работ Предсоборного присутствия.

²¹⁰ *О преобразовании*. 1904. Выделение наше.

²¹¹ *О преобразовании*. 1899.

* * *

Почти одновременно с передачей вопроса о церковных преобразованиях в Синод, 17 марта 1905 года в еженедельнике Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник» была опубликована записка «32-х священников» под названием «О необходимости перемен в русском церковном управлении»²¹². Этой запиской инициировались публицистические дискуссии о реформе: по статистике, приводимой С. Л. Фирсовым, с 17 марта (дата публикации записки) по 17 апреля, в прессе было опубликовано 417 статей на тему о церковной реформе, а до июня – еще 573²¹³. Обстоятельства подачи записки «32-х» подробно разбираются С. Л. Фирсовым²¹⁴ и священником Георгием Орехановым²¹⁵. Исследователи указывают на взаимосвязь официальных записок и публикации «32-х священников», которые еще в феврале имели встречу с Петербургским митрополитом. Фирсов на основании архивного материала указывает, что записка была передана в редакцию «Церковного вестника» 10 марта. Учитывая, что цензором издания был ученик и викарий митрополита – епископ Сергей (Страгородский), исследователь рассматривает этот факт как косвенное указание на то, что священники не сомневались в одобрении митрополита, который еще с февраля хорошо знал их точку зрения. По мнению Фирсова, «Петербургский митрополит, давая разрешение на печатание записки, хотел «прозондировать почву» и узнать общественное мнение по вопросу о церковной реформе»²¹⁶. Отец Георгий, считая, что для утверждения о поддержке «группы 32-х» церковным руководством необходимы более веские данные²¹⁷, указывает, однако, что записка «вышла в свет в тот момент, когда борьба за инициативу в вопросе о реформе Церкви достигла своего апогея»²¹⁸. Что касается авторства этой записки, то, по мнению священника Г. Ореханова, главным ее составителем был Н. П. Аксаков²¹⁹. Среди подписавших ее можно назвать санкт-петербургских протоиереев М. И. Горчакова²²⁰ и М. П. Чельцова, священников А. П. Рождественского (в 1905 г. – редактор «Церковного вестника»), В. Я. Колачева, ГС. Петрова,

²¹² Под этим названием записка была опубликована в «Церковном вестнике» и перепечатана в: *Преображенский*. 1–6. Под изначальным заглавием «О неотложности восстановления канонической свободы Православной Церкви в России» (измененным по решению редакции «Церковного вестника» – см.: *К Собору*. 1) она была напечатана в сборнике «К церковному Собору», изданном в 1906 г. союзом, выросшим из группы авторов этой записки, о чем ниже.

²¹³ Фирсов (1). 322.

²¹⁴ Фирсов (1). 318–342.

²¹⁵ Ореханов. 40–42, 90–118.

²¹⁶ Фирсов (1). 322.

²¹⁷ Ореханов. 102.

²¹⁸ Ореханов. 41.

²¹⁹ Ореханов. 103. Аксаков Николай Петрович (1848–1909), представитель славянофильского течения; получил высшее образование во Франции и Германии, где защитил диссертацию на степень д-ра философии в 1868 г.; вернулся в Россию, сотрудничал с различными московскими изданиями, читал публичные лекции на религиозно-философские темы; секретарь Общества любителей русской словесности (1878–1880); с 1895 г. – в Санкт-Петербурге, служил в Государственном контроле (до 1903 г.); с 1905 г. активно публикуется на тему церковной реформы; участник «группы 32-х» (1905); член Предсоборного присутствия (1906). По материалам: Носов.

²²⁰ Горчаков Михаил Иванович, протоиерей (1838–1910), окончил Костромскую дух. семинарию (1857) и, со степенью канд. богословия, СПбДА (1861); преподаватель Костромской семинарии (1861); псаломщик русской церкви в Штутгарте (1862–1864), посещал лекции в различных заграничных университетах; законоучитель Мариинского института в Санкт-Петербурге (1865–1892, далее за штатом); рукоположен во иерея (1865); магистр богословия (1865); окончил юридический ф-т Санкт-Петербургского университета со степенью канд. права (1866); магистр гос. права (1868); доцент университета по кафедре церк. законоведения (1868–1871); профессор университета (1871–1910); д-р гос. права (1871); протоиерей (1881); член-корр. Академии наук (1902); участник «группы 32-х» (1905); член Предсоборного присутствия (1906); член Гос. совета от духовенства (1906–1910). По материалам: Берташ.

К. М. Аггеева, И. Ф. Егорова, и, по-видимому, иеромонаха (позднее – архимандрита) Михаила (Семенова), вероятного составителя записки митрополита Антония²²¹.

Записка «32-х» представляется нам попыткой ответить на утверждения, выраженные, в частности, в опубликованной позднее записке Победоносцева, но, очевидно, «витавшие в воздухе»: об отсутствии зависимости между вопросом об отделении Церкви от государства и вопросом об ее обновлении. Основная мысль «32-х» следующая: для того, чтобы вернуть Церкви «всю силу плодотворного влияния на все стороны жизни человеческой»²²², должна быть восстановлена «свободная самоуправляющаяся Церковь»²²³ (имеется в виду свобода от государства). При этом авторы записки выступали в русле церковной традиции, когда указывали, что «свободный строй жизнедеятельности церковной не может подлежать усмотрению человеческому», ибо он определен в апостольском строе и в канонах²²⁴. Кратко описывая свои представления об этом церковном строе, авторы записки ставили на первый план именно епархиальное управление, реформа которого отражается на приходах и повторяется в церковной организации на высшем уровне: в системе окружного и всецерковного правления. Основные черты епархиального управления, по мнению авторов, следующие:

Епископ, засвидетельствованный при избрании от клира и народа местной Церкви, есть средоточие и образец пастырства в пределах Церкви, вверенной его попечению, центр всей жизнедеятельности и средоточие любви церковной²²⁵.

Выше мы высказывали мнение, что одной лишь свободы от государства могло быть недостаточно для устранения бюрократичности в Церкви и восстановления соборности как живого общения. Авторы записки, очевидно, осознавали эту проблему и указывали:

Чтобы быть действительным, а не по имени лишь пастырем вверенного ему стада, [епископ] совершает пастырское служение свое <...> совместно с сонмом пресвитеров, как своих советников, сотрудников и сослужителей, пред лицом народа, в общении всего тела Церкви²²⁶.

В качестве вторичных выводов из этих основных положений, авторы обращали внимание на недопустимость практики перемещения епископов и предлагали сократить территории епархий до пределов уездов. Сравнивая записку «32-х» с записками Витте и митрополита Антония, мы видим, что и здесь, и там прежде всего ставится вопрос об освобождении Церкви от опеки государства и о формах независимого от государства самоуправления Церкви, в том числе и на епархиальном уровне. Так же, как Витте, «32 священника» указывали на необходимость введения соборности, но, в отличие от «представительства» Витте, акцентировали внимание больше на взаимодействии епископа, клира и паствы. Как мы помним, стремясь упразднить консисторию, Витте не давал указаний на то, как сохранить стабильность управления в епархии. Записка «32-х» пыталась заполнить этот пробел, подчеркивая пастырскую составляющую деятельности епископа, его единение с паствой, и при этом указывала на практическую меру – сокращение размера епархий. Вместе с тем, несомненно, что предложение «32-х» в известной степени «наивно» и может быть охарактеризовано как «иллюзия быстрого разрешения сложных вопросов»²²⁷.

²²¹ Подробнее о них и их участии в записке «32-х» см.: Фирсов (1). 324–326.

²²² К Собору. 4.

²²³ К Собору. 2.

²²⁴ К Собору. 5.

²²⁵ К Собору. 6.

²²⁶ К Собору. 6–7.

²²⁷ Фирсов(1). 320.

* * *

Публикация записки «32-х» и вскоре после этого записок митрополита Антония и Витте²²⁸ спровоцировала широкие дискуссии в прессе и обществе. Дискуссии в прессе постепенно утихли к середине 1907 года²²⁹, проявляя себя впоследствии отдельными всплесками²³⁰. Наряду с печатными выступлениями, значительную роль сыграли дискуссии в рамках благочиннических и епархиальных съездов и собраний духовенства, пик которых приходился на осень 1905 года. Об этом свидетельствует умножение публикаций их материалов в периодике²³¹. «Вопросы о необходимости церковного обновления широко и свободно обсуждались на многих епархиальных съездах», свидетельствует «Церковный вестник», указывая, что «на них приглашались по местам и светские лица, не только пастыри, но и пасомые»²³². Частично эти съезды созывались архиереями для консультаций по поводу вопросов, направленных Святейшим Синодом на их отзыв. Созыв съездов мог быть и личным почином архиерея или инициативой духовенства, одобренной епископом. Впрочем, были случаи и неодобрительного отношения архиереев к таким инициативам. Так, петербургская газета «Слово» писала в июне 1905 года:

Московское духовенство (разумеется, не все), *несмотря на строгий запрет местного митрополита касаться вопроса о церковной реформе*, изложило свои *pia desideria* в интересной записке²³³.

Инициативы по созыву съездов получили дополнительную поддержку в синодальном определении от 18 ноября 1905 года, предлагавшем к руководству архиереев правила по устройству приходов. При этом отмечалось, что эти правила «не могут не вызвать потребности в особых пастырских собраниях для обмена мыслей по этим предметам», в связи с чем было принято соответствующее решение:

Святейший Синод благословляет созываемые, по мере надобности, пастырские собрания в пределах благочиния, уездов и епархий <...> с предоставлением, если представится надобность, приглашать и мирян²³⁴.

Обязательную силу постановления таких съездов приобретали, тем не менее, лишь после утверждения их архиереем.

Еще одним направлением развития дискуссий стало создание общественных организаций, в рамках которых обсуждались вопросы о реформе. В основном это две организации: «Группа петербургских священников» (позднее – «Союз ревнителей церковного обновления», еще позднее – «Братство ревнителей...») и «Московская комиссия по церковным вопросам». Каждая из этих организаций проводила семинары, издавала под авторством того или иного

²²⁸ Эти записки были опубликованы 28 марта; *Преображенский*. 122–136.

²²⁹ Мы судим лишь по количеству статей, встреченных нами при просмотре периодики, однако необходимо специальное исследование по этому вопросу. Впрочем, наше утверждение находит себе поддержку в том факте, что именно 1907 г. «ознаменовался закрытием целого ряда периодических изданий, отражавших взгляды сторонников церковного обновления» (Балашов. 46).

²³⁰ Например, в 1911–1913 гг. «Церковный вестник» публикует несколько больших серий статей о реформе епархиального управления.

²³¹ Отчеты об этих съездах печатались, в частности, в виде кратких, но многочисленных заметок в синодальных «Прибавлениях к Церковным ведомостям» и академическом «Церковном вестнике» в 1905–1906 гг.

²³² *Начало обновления*. 1443.

²³³ *Планы и проекты*. Выделение наше.

²³⁴ *Об устройстве церковноприходской жизни*. 524.

своего члена статьи, и, наконец, каждая организация выпустила по сборнику статей, посвященных реформе²³⁵

²³⁵ Соответственно: *К Собору; Перед Собором.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.